

СУДЕБНИК 1550 ГОДА

Текст

ЛЕТА 7000 ПЯТДЕСЯТ ОСМАГО ИЮНЯ¹⁹⁶...
ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ВСЕА РУСИ
И С СВОЕЮ БРАТЬЕЮ И 3 БОЯРЫ СЕСЬ СУДЕБНИК УЛОЖЫЛ:
КАК СУДИТ И БОЯ РОМ, И ОКОЛНИЧИМ. И ДВОРЕЦКИМ, И КАЗНАЧЕЕМ,
И ДЬАКОМ, И ВСЯКИМ ПРИКАЗНЫМ ЛЮДЕМ, И ПО ГОРОДОМ НАМЕСТНИКОМ,
И ПО ВОЛОСТЕМ ВОЛОСТЕЛЕМ. И ТИУНОМ И ВСЯКИМ СУДЬЯМ

1. Суд царя и великого князя судити боаром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком. А судом не дружыти и не мстити никому, и посулу в суде не имати; також и всякому судье посулов в суде не имати.
2. А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк просудится, а обвинит кого не по суду бесхитростно, или список подпишет и правую грамоту даст, а обыщется то в правду, и боярину, и дворецкому, и околничему, и казначею, и дьяку в том пени нет; а истцом суд з головы, а взятое отдати¹⁹⁷.
3. А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк в суде посул возмет и обвинит не по суду, а обыщется то в правду, и на том боярине, или на дворецком, или на казначеи, или на дьяке взяты исцов иск, а пошлины¹⁹⁸ царя¹⁹⁹ и великого князя, и езд, и правда, и пересуд, и хоженое, и правои десяток, и пожелезное взяти втрое дарь укажет²⁰⁰.
4. А которой дьяк список нарядит или дело запишет не по суду, не так, как на суде было, без боярьского, или без дворецкого, или без казначеева ведома, а обыщется то в правду, что он от того посул взял, на том дьяке взяти перед боярином вполы да кинути его в тюрьму.
5. Подьячей, которой запишет²⁰¹ не по суду для посула без дьячего прика у, и того подьячего казнити торговою казнью, биты кнутьем.
6. А кто виноватой солжет на боярина, или на околничего, или на дворецкого, или на казначее, или на дьяка, или на подьячего, а обыщется то в правду, что он солгал, и того жалобника, сверх его вины, казнити торговою казнью, биты Кнутьем, да вкинути в тюрьму.
7. А кто х которому боярину, или дворецкому, или казначею, или к дьяку придет жалобник его приказу, и ему жалобников своего приказу от себя не отсылати, а давати ему жалобником своего приказу всем управа, которой²⁰⁰ будет жалобник²⁰² бьет челом²⁰³ по делу; а которому будет жалобнику без государева ведома управы учинити не мочно, ино челомбитье его сказати царю государю. А которой боярин, или дворецкой²⁰⁴, или казначей²⁰⁴, или дьяк жалобника своего приказу отошлет, а жалобницы у него не возмет, и управы ему или указу²⁰⁵ не учинит, и царю государю челомбитьа его не скажет, и учнет тот жалобник бити челом государю, что ему уп авы не учинили, и государь ту его жалобницу отошлет тому, чей суд, и велит ему управу учинити, и бояре ему, или дворецкой, или казначей²⁰⁶ управы не учинят же, и тем, которые управы не учинят, быти от государя в опале. А которой жалобник бьет челом не по делу и бояре ему откажут, и тот жалобник учнет бити челом, доучати государю, и того жалобника вкинути в тюрьму.
8. А имати боарину, и дворецкому, и казначею и дьяку в суде от рублевого дела на виноватом пошлин, кто будет виноват, ищеа или ответчик, и боярину, или дворецкому, или казначею на виноватом одиннатцать денег, а дьяку семь денег, а подьячему две денги; а

будет дело выше рубля и ниже рубля, и им имати²⁰⁷ пошлины по расчету; а болши того им не имати; а от записки подьячему не имати ничего²⁰⁷. А возмет боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк, или подьячей, или неделщик на ком что лишек, и на том²⁰⁸ взятьи втрое. А хто учнет бити челом на боярина²⁰⁹, или на дьяка, или на подьячего, или на неделщика, что взяли на нем сверх²¹⁰ пошлин лишек, и обыщется то²¹¹, что тот солгал, и того жалобника каанити торговою казнью да вкинути в тюрьму.

9. А досудятся до поля, да не²¹² став у поля, да помирятся²¹³, и боярину, и дворецкому, и казначею, и дьяку, и подьячему имати по тому ж указу, а околничему, и дьяку, и подьячему²¹⁴, и неделщику пошлин полевых не имати. А возмет боярин, или околничей, или дворецкой, или казначей, или дьяк,²¹⁵ или неделщик²¹⁵, или подьячей лишек болши того²¹⁶ и обыщется то²¹⁶, что жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью да вкинути в тюрьму.

10. А у поля став помирятся, и боярину, и дворецкому, и казначею, и дьяку имати пошлины по тому ж росчету; а околничему имати полевых²¹⁷ пошлин четверть рубля,²¹⁸ а дьяку четыре алтыны, а поьячему денга, а неделщику имати четверть рубля²¹⁸, да неделщику ж имати вящего по два алтына; а болши им того не имати. А кто возмет лишек, и на том взятьи втрое. А обыщется то, что жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью²²⁹ да вкинути в тюрьму.

11. А побьются на поле в заемном деле или в бою, и околничему полтина да за доспех убитого три рубля, а дьяку четверть рубля, да неделщику полтина, да неделщику ж вясчего четыре алтына без дву денег, а подьячему две денги. А не станет кто у поля или от поля збежыт, ино околничему и дьяку и неделщику имати на том, как и с мирового дела; а избные пошлины с рубля по гривне; а болше им того не имати. А возмет кто лишек, и на том взятьи втрое. А обыщется то, што жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью²²⁰ да вкинути в тюрьму.

12. Побьются на поле в пожеге, или в душегубьстве, или в разбое или в тадбе, ино на убитом исцово доправити, да околничему на убитом полтина да за доспех убитого три рубля, а дьяку четверть рубля, а неделщику полтина, да неделщику ж вязчего четыре алтыны без двух денег, а подьячему две денги. А убитого дати на поруку: как его государь попытает, ино его поставити перед государем; а не будет по нем поруки, ино его вкинути в тюрьму, доколе по нем порука будет.

13. ²²¹А к полю приедет околничей и дьяк²²¹, ²²² и околничему и дьяку ²²² вспросити²² иском, и ищей и ответчиков: ²²³ кто за ними стряпчие и поручники; и кого за собою стряпчих и поручников скажут, и им тем велети у поля стоати; а доспеху и дубин и ослопов стряпчим и поручником у себя не дръжати. А бой полщиком давати околничим и дия-ком ровен. А которые будут у поля опричные люди, и околничему и дьяку от поля их отсылати; а которые прочь не пойдут, и им тех отсылати в тюрьму.

14. А битися на поле бойцу з бойцом или небойцу с небойцом, а бойцу с небойцом не битися; а похочет небоец з бойцом на поле битись, ино им на поле битись. Да и во всяких, делех бойцу з бойцом, а небойцу с небойцом, или бойцу с небойцом²²⁴ по небоицове воле²²⁴ на поле битися по тому ж.

15. А ищеа пошлется на послуси в заемном деле бес кабалы или в каково деле ни буди, и послуси став да меж себя порознятся: иные молвят в ысцевы речи²²⁵, а иные в ысцевы речи! не молвят; и которые молвят в ысцевы речи²²⁵, а попросят с ними те послухи, которые не молвят в ысцевы речи, поля, ино им присужати поля; а убьют на поле послуси те, которые

послушествовали в ысцевы речи, тех послухов, которые не послушествовали в ыстьцовы речи, ино исцово и пошлины имати²²⁶ по списку⁻²²⁶ на ответчике и на тех послусах, которые не послушествовали в ысцовы речи; а которые послуши не послушествовали в ысцовы речи убьют будет на поле тех послухов, которые послушествовали в ысцовы речи, ино имати пошлины по списку на ищее и на тех послусах, которые послушествовали²²⁷ в ысцовы речи²²⁷, а не попросят поля те послуши, котрые послушествовали в ысцовы речи, с теми послухи, которые не послушествовали в ысцовы речи, или послухи не договорят в ысцовы речи, ино тем ищеа виноват. А по кабале порознят послуши и дьяк, ино по тому же.

16. А кого послух опослушествует в бою, или в грабежу, или в займех, ино суд на ответчикову волю: хочет, с послухом на поле лезет или, став у поля^{228 229} у креста²³⁰, на целование⁻²²⁹ ему⁻²³⁰ или без целованиа даст; а вины в том ответчику и пошлин полевых убитых²³¹ нет; а побьютца на поле. и пошлины судные²³² и полевые взять по указу на убитом.

17. А против послуха ответчик будет стар, или мал, или чем увечен, или поп, или чернен,, или черница, или жонка, и тому против послуха наймит, а послуху наймита нет; а которой послух чем будет увечен безхитростно, или будет в послусах поп, или чернец, или черница, или женка, тем наймита наняты водно ж. А что правому или его послуху учинится убытка, и те убытки имати на виноватом.

18. А послух перед судью не придет, есть ли за ним речи, нет ли, ино на том²³³ послухе ысцово²³³ ы²³⁴ убытки и все пошлины взять; а с недёльщиком и с праведчиком о сроце тому послуху суд.

19. А на ком взыщет женка, или детина²³⁵, или стар, или немощен, или чем увечен, или поп, или чернец, или черница, ино им наймита наняты волно, а ответчику против наймита наймит же; а истцу и ответчику крест целовати, а наймитом битися. А похочет истец или ответчик сам битися с наймитом, и он²³⁶ бьется.

20. А кто взыщет человекех на трех или на четырех по жа-лобнице, а напишет в жалобнице человек десять или пятнадцать, или болши или менши, и те два или три за собя и за иных товарищев отвечают, а за иных не отвечают, и за которых по жалобнице отвечают, ино тех судити в их жеребьех; а за которых людей не отвечают по жалобнице, ино в тех их жеребьех велети посылали пристава; а будет по тех людей ходила приставная, ино по той срочной в их жеребьех давати без-судные.

21. А на которого из них ездок срочную накинёт на одного²³⁷, и тот срочные своей товарищем своим, которые с ним в срочные писаны, не покажет, и на которых его товарищев выляжет в их жеребьех безсудная грамота, ино тем людям с тем датй суд, яо им срочные не показал.

22. А которые люди учнут искати на наместникех или на волостелех и на их людех по жалобницам, и оне²³⁸ не за всех учнут отвечать, а исцы учнут искати на наместникех или на волостелех и на их людех всего своего иску по жалобнице и без тех. за которых людей не отвечают, и по тем их жалобницам. судити во всем иску²³⁹ по жалобнице⁻²³⁹ без тех людей, за которых не отвечают.

23. А которых людей исцы учнут примешивати²⁴⁰ к наместничим людям или к волостелиным²⁴¹ людям городских людей или волостных²⁴², а наместничии или волостелины люди за тех городцких людей или за волостных отвечать не похотят, и наместничих и волостелиных людей²⁴³ судити в их вытях²⁴⁴, а на тех городцких или на волостных людей в

их вытех²⁴⁵ давати пристава; а до наместничих и до волостелиных людей в тех вытех дела нет.

24. А которые люди иногородцы учнут бити челом на наместников или на волостелей²⁴⁶ о обидных делех²⁴⁶, как те наместники или волостели, едучи на жалованье, и на жалованье живучи, или едучи з жалования, кого чем избидят, и тем людям иногородцом приставов на наместников и по волостелей и по их людей и до съезду з жалования давати²⁴⁷, а велети тем наместником и волостелем присылати в свое место к ответу людей своих. А которые иногородцы не²⁴⁸ учнут о тех своих обидных делех бити челом на наместников и на волостелей и на их людей до году, и тем людям тогды приставов и суда на наместников и на волостелей и на их людей не давати.

25. А который ищеа възыщет бою и грабежу, и ответчик скажет: бил, а не грабил, и ответчика в бою обвинити и бесчестие на нем взяти; а в пене, посмотри по человеку, что государь укажет;²⁴⁹ а в грабеже суд и правда, а во всем не обвинити; а скажет, что грабил, а не бил, и на том грабеж доправити, хто скажет грабил; а в пене, посмотри по человеку, что государь укажет²⁴⁹; а в бою суд и правда. А в ьных делех судити по тому ж: кто в чем скажется виноват, то на нем и взят; а в пене что государь укажет, посмотри по человеку; а в достали суд и правда, крестное целование.

26. А бесчестие детям боярским, за которыми кормления²⁵⁰, указати против доходу, что на том кормление по книгам доходу, а жене его безчестья вдвое против того доходу; которые дети боарьские емлют денежное жалование, сколько которой жалованья имал, то ему и бесчестие, а жене его вдвое против их бесчестна²⁵¹; а дьяком полатным и дворцовым бесчестие что царь и великий князь укажет, а женам их вдвое против их бесчестна; а торговым²⁵² гостем болшим пятьдесят рублей, а женам их вдвое против их бесчестна; а торговым людям и посадким людям и²⁵³ всем середним бесчестна пять рублей, а женам их вдвое бесчестна против их бесчестна; а боярскому человеку доброму бесчестна пять рублей, опричь тиунов и доivotчиков²⁵⁴, а жене его вдвое; а тиуну боярскому или доivotчику и праведчику бесчестна против их доходу, а женам их вдвое; а христианину пашенному и непашенному²⁵⁵ бесчестна рубль, а жене его бесчестна два рубля; а боярскому человеку молотчему²⁵⁶ или черному городцкому человеку молодчему²⁵⁶ рубль бесчестна, а женам их бесчестна вдвое. А за увечие указывати христианину, посмотри по увечию и по бесчестию; и всем указывати за увечие, посмотри по человеку и по увечью.

27. А которой чюжеземец възыщет чего на чюжеземце же, ино того воля, на ком възыщет: хочет сам отцелуется, что в том не виноват, или у креста положит, чего на нем възыщет, и истец, поцеловав крест, да возжег²⁵⁷. А которой человек. здешнаго государства възыщет на чюжеземце или чюжеземец Чй здешнем человеке, и в том дати жеребей: чей ся жеребей вымет²⁵⁸, тот, поцеловав, свое возмет или отцелуется.

28.²⁵⁹ А которое будет дело судит царь и великий князь, или дети царя и великого князя или бояре, и которой суд не кончается, оставят его в обговоре, и дьяку исцовы и ответчику-вы речи велети записати перед собою; или о чем ся пошлют на послушество, и дьяку велети то записывали перед собою ж; да те ему дела держати у себя за своею печатью, доколе дело кончается. А которые дела дадут дьяки подьячим с черна начисто переписывати, и дьяком к тем жалобницам и к делом по сставом руки прикладывати. А как подьячей с черна начисто перепишет дело, и дьяку те все дела справити самому, да к тем делом дьяку руку свою приложить; а держать те дела дьяку у себя за своею печатью. А подьячему у себя дел некоторых не дръжати; а вымут у подьячего список или дело²⁶⁰ за дьячею печатью, а руки дьячей у того списка или у дела не будет или у жалобницы, и тот список²⁶¹ и пошлины и езд взяти на дьяке, а подьячего бити кнутъем; а вымут у подьячего список или дело за городом

или на подворие. и тот список²⁶² взяти на дьяке, а подьячего казнити торговою казнью да выкинути ис подьячих, и ни у кого ему в подьячих не быти.

29. А которые дела судят бояре, и тот суд велегы²⁶³ записывати перед собою; а исцом у записки не стояти; а будет надобе на которое дело истца или ответчика спросити, ино его к себе позвать²⁶⁴ да, вопросив его, от записки отослати. А как дело их дьяк запишет, и того дела перед истцы не чести, а прочести его боярам.

30. А случится суд сместной, ищеа или ответчик судимы будут не одному судье, и кто по кого взведет пристава в каково деле ни буди, и тот ищеа возжег у своего судьи за собою сторожа да идет к тому судье просити пристава, у кого в присуде тот, на ком ему искати, да перед тем судьею ищет; а будет тот ответчик, не сходя с суда, против на нем взыщет, и ему перед тем судьею отвечаючи. Да и во всяких делех судити сместной суд²⁶⁵ тому судье²⁶⁵, у кого в присуде ответчик²⁶⁶. А пошлины¹⁶⁷ обеим судьям имати по указу, а делиться судьям пошлинами²⁶⁷ по половинам; а пошлины обеим судьям имати одне.

31. А кто кого поймает приставом в бою, или в лае или в займе, а на суд итти не похотят, и оке²⁶⁸ доложат судьи да помирятся, а судье пошлин и продаж на них нет, опричь езду и хоженного. А которые жалобницы заданы²⁶⁹ судьям и оба истца до суда помирятся, и по тем жалобницам судьям пошлин не имати ж.

32. А неделщику²⁷⁰ на суде на боар²⁷⁰ и на дворецкого, и на околничих, и на казначеев, и на дьяков²⁷¹ посулов не просити²⁷², и самому неделщику посулов не имати. А которой неделщик возжег²⁷³ на суде на боярина²⁷³, или на околничего, или на дворецкого, или на казначеа, или на дьяка посул, или себе²⁷⁴ посул возмет, и уличат его в том, и того неделщи-ка казнити торговою казнью, а посул на нем доправити втрое да из недель выкинути²⁷⁵.

33. А пошлины имати от правые грамоты боярину от печати с рубля по девяти²⁷⁶ денег, а дьяку имати от подписи с рубля по алтыну, а подьячему, которой правую грамоту напишет, с рубля имати по три денги; а болши того не имати. А кто возмет болше того²⁷⁷ и уличат его в том, и на том взяти втрое. А обыщется, что жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью да вкинути в тюрьму.

34. А докладной список боярину, или дворецкому, или казначею печатати, а дьяку подписывати; а имати от печати боярину, или дворецкому, или казначею с рубля по алтыну, а дьяку с рубля по четыре денги, а подьячему, которой на списке напишет²⁷⁸, с рубля по две денги; а болши им того не имати. А кто возмет лишек²⁷⁹ и уличат его в том, и на том взяти втрое. А обыщется то, што жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью да кинуты в тюрьму.

35. А с холопа и с робы от правые грамоты и от отпускные²⁸⁰ боарину, или дворецкому, или казначею имати от печати з головы по девяти денег²⁸¹, а дьяком имати от подпысы з головы по алтыну²⁸¹, а подьячему, которой правую грамоту напишет или отпускную, з головы имати по три денги.

36. А кто займет²⁸² денги в рост в кабалу, и на те кабалы отписи²⁸³ без боярского доклада и без дьячей подписи не быти. А боярину от всякиа отписи, в колке отпись ни буди, имати от печати по три денги, а дьяку имати от подписи по две денги, а подьячему, которой отпись напишет, имати по денги.

37. А с царева и великого князя суда и с детей царя и великого князя суда пошлин на виноватом по тому ж, как и з бо-ярского суда, с рубля по одиннатцати денег, кому государь укажет, а дьяку семь денег, а подьячему две денги.

38. А цареву и великого князя печатнику и детей царя и великого князя печатнику от печати имати от правые грамоты с рубля по девяти денег, а дьяку с рубля по алтыну, а подьячему, которой правую грамоту напишет, имати с рубля по три денги.

39. А з докладного списка царя и великого князя докладу и детей царя и великого князя докладу имати цареву и великого князя печатнику и детей царя и великого князя печатнику²⁸⁴ имати с рубля по девяти денег, а дьяку от подписи с рубля по алтыну, а подьячему, которой на списке напишет, имати с рубля²⁸⁵ по две денги²⁸⁵.

40. А с холопа и с робы от правые грамоты имати²⁸⁶ печатнику²⁸⁷ з головы по девяти денег, а дьяку от подписи имати²⁸⁸ по алтыну, а подьячему, которой правую грамоту напишет²⁸⁹, имати з головы по три денги.

41. А от срочных от подписей имати дьяку с срочные по две денги, а от отписных²⁹⁰ срочных дьяку имати от подписи с Рубля по три денги, а подьячим от подписи имати с рубля по Две денги. А похотят оба исца, ищеа и²⁹¹ ответчик, срок отписати, и оне оба платят от подписи, от писма и неделщику хо-женое по половинам. А которой ищеа или ответчик к сроку не риедет, а пришлет²⁹² срок отписываты, и тому все платити одному от обеих срочных и хоженое, опричь служилых людей; а будет оба истцы, ищеа или ответчик, служилые люди, а пошлют их на службу, а похотят перед тем сроком недели за две или за три до того сроку, на которой день делено им на службе быти, по срочным срок отписати, и тем служилым людям недели за две или за три отписывати безпошлинно для службы. А срочные дьяком дръжати у себя за своею печатью. А как давали безсудные, и дьяком срочные снести в одно место самим да, разобрав срочные самим дьяком по сроком²⁹³ да велели им подьячим безсудные давати и сроки отписывати. А у подьячих дьяком срочных не держати; а у которой дьяк срочные учнет держати у подьячих срочные не у себя, и у чьего подьячего ищеа или ответчик с приставом вымут срочную подписану до сроку, а не за дьячею печатью, и на том дьяке тот иск, что в срочной написано, доправити; а дьяк с своим по-диячим сам ся ведает.

42. А безсудные²⁹⁴ грамоты давати²⁹⁵ за сто врѣст семым днем, а дале того по тому ж расчету. А пошлины имати от правые и от безсудные царя и великого князя печатнику от печати с рубля по алтыну, а дьяку от подписи с рубля по алтыну же, а подьячему с рубля по две денги; а больше им того не имати. А кто возмет²⁹⁶ больше того²⁹⁶ и уличат его в том, и на том взяти втрое. А кто солжет, того казнити торговою казнью да вкинути в тюрьму.

43. А велит государь кому какову грамоту дати лготную, или уставную, или полетную с красною печатью, и что возмет печатник от печати от которые грамоты, а дьяку от подписи взяти то же. Торханных вперед не давати никому; а старые тарханные грамоты поимати²⁹⁷ у всех.

44. А от приставных имати царя и великого князя печатнику и дьяку у неделщиков по езде, с которые приставные рубль езде, и печатнику у неделщика имати от печати с рубля по алтыну, а дьяку от подписи с рубля алтын же; а будет езде до которого города рубля болши или меньше, и печатнику и дьяку²⁹⁸ имати по тому ж расчету. А будет в приставной²⁹⁹ иск менши того езде, и дьяком тех приставных не подписывати³⁰⁰, а того неделщика кинуты в тюрьму да сказати царю государю. А без неделщиков дьяком приставных не подписывати; а в приставной болши двадцати вытей не писати; а неделщику от приставной³⁰¹ один езд³⁰¹; от которого города в которой город приставная написана. А³⁰² подпишет которой дьяк

приставную⁻³⁰², а в приставной иску будет менши езду, или подпишет приставную без неделщика, и уличат его в том, и што в приставной иску. и тот иск взяти на дьяке, а в пене что государь укажет.

45. А хоженое неделщику в городе десять денег, а ш правду вдвое; а от поруки неделщиком поминков не имати; а езд неделщику имати вдвое до которого города по указу, а с правды им имати вдвое езду; а болши того им не имати.

46. А езду от Москвы до Коломны полтина, до Каширы полтина, до Хотуни³⁰³ десять алтын, до Тарусы дватцать алтын, до Алексина полтретьятцать алтын, до Калуги рубль, до Ярославца³⁰⁴ полтина, до Боровскаго полтина ж, до Вышегорода полтина, до Кременска³⁰⁶ дватцать алтын, до Можайска полтина, до Вязмы полтора рубля, до Воротынска сорок алтын, до Козелска рубль с четвертию, до Одуева³⁰⁶ сорок алтын, до Белева рубль с четвертью, до Мезеца³⁰⁷ сорок алтын, до Оболенска полтина, до Звенигорода две гривны, до Дмитрова десять алтын, до Радонежа четверть рубля, до Переславля дватцать алтын, до Ростова рубль, до Ярославля³⁰⁸ два рубля⁻³⁰⁸ с четвертию, до Вологды полтретья рубля, до Белаозера полтретья рубля, до Устьяга пять рублей, до Вятки полосма рубля, до Вычегды семь рублей, до Двины и до Колмогор восемь рублей московская, до Юрьева рубль, до Володимеря рубль с четвертию, до Костромы полтора рубля, до Галича полтретья³⁰⁹ рубля, до Стародубских князей отчины полтора рубля, до Мещеры два рубля, до Новагорода до Нижнего полтретья рубля, до Суздаля рубль с четвертию, до Мурома полтора рубля, до Углича рубль, до Бежецкого Врѣха полтора рубля, до Романова городка рубль с четвертию, до Клина полтина, до Кашина рубль, до Твери рубль, до Зубцова³¹⁰ рубль, до Опок рубль, до Хлепни³¹¹ сорок алтын, до Торжку рубль с четвертью, до Вереи³¹² полтина, до Медыни полтретьятцать алтын, до Великого Новагорода полтретья рубля, до Пскова полчетверта рубля, до Смоленска полтретья рубля, до Ивана города полчетверта³¹³ рубля, до Лук и до Торопца по полчетверта рубля; а где будет болши того врѣст, ино имати по тому ж расчету.

47. А ездити неделщиком с приставными и на поруку давати самим или своих ездоков посылати, а людей им своих с приставными не посылати; а от поруки им самим и их ездокам поклонного, с приставными ездячи, не имати³¹⁴ ни у кого⁻³¹⁴. А в котором городе неделщик живет, и ему в том городе³¹⁵ с приставными не ездити ни в свое место не посылати ни в каково деле. А которого неделщика пустят в недели, и сколько у которого неделщика будет заговорщиков и ездоков³¹⁶, кому с кем³¹⁷ в заговоре делати и кому от кого³¹⁸ с приставными ездити, и тому неделщику тех своих³¹⁹ ездоков приводит к дьяком, которые дьяки у кормлений будут, да тех своих заговорщиков³²⁰ и ездоков неделщиком у дьяков запи-сывати в книги для того, чтоб неделщики заговорщиков и ездоков своих не отпирали. А какову обиду или продажу ездок кому учинит и уличат его в том, и тот иск взяти на неделщике, от кого тот ездок ездил, а ездока казнити торговою казнью. А держати неделщику [до] семи ездоков, а болши семи ездоков неделщику не держати. А которого ездока изымают, а тот ездок³²¹ в книгах у кормленых дьяков не писан ни у которого неделщика⁻³²¹, и того ездока казнити торговою казнью; а будут тому ездоку истцы, и тех исцов иски взятина том ездоке без суда. А как неделщик из недель выйдет, и тем ездоком в том городе от иных неделщиков не ездити; а которого ездока изымают, а он ездит в том же городе от иного неделщика, и того ездока казнити торговою казнью да вкинуты в тюрьму; а будут тому ездоку истцы, и те иски взяти все без суда на том неделщике, от которого тот ездок ездил, и на том ездоке. А которой ездок в котором городе живет, и тому ездоку ни от какова неделщика в том городе не ездити, а которого ездока изымают, а³²² в том городе, в котором живет, в том же и с приставными ездит, и кто ему будут истцы, и те иски все взяти на нем без суда, а его казнити торговою казнью. А что заговорщик кому учинит какову продажу или обиду и уличат его в том, и те иски все взяти на том заговоре на всем, а его вкинути в тюрьму. А без заговорщиков неделщиком³²³ недель не делати.

48. А в которой город или в которую волость приедет неделщик или ездок с приставною, и ему явити приставная наместнику или волостелю или³²⁴ их тиуном; а будут оба исца того города или волости, а наместнику или волостелю³²⁵ оба будут судимы, и ему обоих исцов ставить перед наместником, или перед волостелем, или перед их тиуном. А не явит неделщик или ездок его наместнику или волостелю или их тиуном приставные, и обоих истцов³²⁶ перед тем наместником или волостелем и перед их тиуны не поставит, а будут оба³²⁷, ³²⁸- истец и ответчик³²⁸, одного города или одной волости, а ему будет оба судимы, и тот неделщик и ездок езде лишен, а доводчику на том неделщике или на его ездеке взяти хоженое.

49. А кого даст неделщик на поруку в какове деле ни буди, и ему истцов и ответчиков не волочити, а ставить их перед судьями; а сроки им крестианом отписывати и безсудные по срочным давати по сроком по указу безволокитно, а кто станет волочити после срока, и на том взяти тому, кого волочит, проести по три денги на день. От безсудные неделщиком, опричь пошлин, не имати ни у кого ничего. А коли³²⁹ неделщик срок отпишет обоим истцом вместе, и ему взяты с обеих сторон одно хоженое; а опричь того не взяти ему ничего. А в езде³³⁰ в своем³³⁰ даст на поруку доколе ся дело кончает, и ему езд взяти на виноватом. А которой ищеа или ответчик³³¹ к сроку³³² не приедет, ³³¹а пришет в свое место срока отписывати, и неделщику взяти хоженое на одном на том, кто приедет в его место сроку отписывати.

50. А кто по кого пошлет пристава, а сам к сроку не приедет, или ответчик на тот срок не станет, и что после сроку тому учинитца убытка, что даст пошлин и что живучи проест, и правому те все убытки и проести³³³ ³³⁴- взяти на виноватом; а проести³³⁴ имати на человека³³⁵ на день³³⁵ на голову по три денги.

51. А пересудчиком³³⁶ пересуд имати на виноватом по две гривны³³⁷; а менши рубля пересуду нет; а с поля со всякого³³⁸ пересуд; а список кто оболжывит да шлется на правду, и в том пересуд. А подвоиским³³⁹ правого десятка четыре денги, а имати на виноватом же.

52. А приведут кого с поличным впервые, ино его судити да послати про него обыскати. И назовут его в обыску³⁴⁰ лихим человеком, ино его пытати; и скажет на себя сам, ино его казнити смертною казнью; а не скажет на себя сам, ино его вкинути в тюрьму до смерти, а³⁴¹- истцов иск³⁴¹ платити из его статка. А скажут в обыску, что он доброй человек, ино дело врымги³⁴² по суду.

53. А пошлют которого неделщика имати татей или разбойников, и ему имати татей и разбойников безхитростно, а не норовити ему никому; а изымав ему татя или разбойника, не отпустить, ни посулов не взяти; а опричных ему людей не имати. А поновит которой неделщик татю или разбойнику по посулом, а его отпустит, и уличат его в том, и на том неделщике исцов иск доправити, а его казнити торговою казнью да вкинути в тюрьму, а в казни что государь укажет.

54. А у которого неделщика сидят тати, и ему татя без доклада³⁴³ татя не спустити³⁴³, на поруку не дати и не спродати³⁴⁴ ему татя³⁴⁴. А которой неделщик без доклада, и без боярского и без дьячего ведома, татей подает на поруку или татя спродает, и уличат его в том, и на том неделщике исцов иск доправити вдвое, да казнити его торговою казнью да кинути в тюрьму, а в казни что государь укажет.

55. А которого татя поймают с тадбою с какою ни буди впервые, опричь церковные и головные тадбы, а в ыной в прежней тадбы довода на него не будет, ино его казнити торговою казнью, бив кнутъем, да исцов иск доправити, а его дати на крепкую поруку; а не

будет по нем крепкие поруки, ино его вкинути в тюрьму, доколе порука по нем будет. А не будет у которого татя статков, чем исцово³⁴⁵ заплатити³⁴⁶, ино его, бив кнутьем, да исцу в его гибели выдати головою на правеж до искупа; а исца дати на поруку, что ему, доправя свое, отдати его³⁴⁷ бояром; а не похочет истец по себе поруки дати в том, что ему, иск свой доправя, да того татя привести к судье³⁴⁸, и того татя кинути в тюрьму, доколе по нем порука будет; а как по нем порука будет, и тогда на нем³⁴⁹ за его³⁵⁰ порукою, хто его выручил ис тюрьмы, исцов иск доправити.³⁵¹ А как истец, взяв на нем свое³⁵¹, отдаст его бояром, и боярин велит его дати на крепкую поруку, кто ему будут вперед иные истцы; а не будет по нем крепкие поруки, ино его кинути в тюрьму, доколе по нем порука будет. А судье с того не имати ничего.

56. А поймают того ж татя с тадбою вдругие, ино его пытати; а скажет на себя сам, ино его казнити смертною казнью, а истцово заплатити изь его статка; а не будет у которого татя с ысцову гибель, ино его казнити велети смертною казнью, а исцу вь его гибели³⁵² не³⁵³ выдати. А пытан³⁵⁴ на себя не скажет, ыно про него послаги³⁵⁵ обыскати; и скажут про него, что он лихой человек, ино его кинути³⁵⁶ в тюрьму до смерти; а назовут его³⁵⁷ добрым человеком, ино его дати на крепкую поруку; а не будет по нем крепкие поруки, ино его вкинути в тюрьму, доколе по нем порука будет крепкая.

57. А на кого тать взмолвит, и про то[го] обыскати. И будет по обыску в какове деле в прежнем приречной³⁵⁸ человек з доводом, ино его пытати; а скажет на себя сам, ино казнити татиною³⁵⁹ ж казнью. А не будет на него довода и в обыску про него³⁶⁰ худа не скажут³⁶⁰, ино татиным речем не вкрити, дати его на поруку.

58. А на кого взмолвят дети боярские человек десять или пятнадцать добрые, или черных людей человек пятнадцать³⁶¹ или дватцать³⁶¹ добрых же крестиан и целовальников по крестному целованью, что он тать, а довода на него в прежнем деле не будет, у кого крал или тадбу плачивал³⁶², ино на том взяти³⁶³ исцову гибель³⁶³ без суда, а его дати на крепкую поруку; а не будет по нем крепкие поруки, ино его кинути в тюрьму, и без крепкие его поруки ис тюрьмы не выпускати. А мошеннику та ж казнь, что и татю. А хто на оманщике взыщет и доведут на него, ино у иш,еи иск пропал. А оманщика,³⁶⁴ как его мы³⁶⁴ приведут, ино его бити кнутьем.

59. А доведут на кого розбой, или душегубство, или ябед-ничьство, или подписку, или иное какое лихое дело, а будет ведомой лихой человек, и боарину велети того казнити смертною казнью, а исцово из его статка велети заплатити³⁶⁵; и что ся его статка за исцовым останет³⁶⁶, и то отдати в прогоны. А не будет у которого лихого статка, чем исцово заплатити, и боярину того лихово в ысцове гибели исцу не вы-дати, а велети его царя и великого князя тиуну московскому да дворскому казнити смертною казнью. А боярину и дыаку³⁶⁷ и неделщику от того не имати ничего.

60. А на кого доведут татбу или душегубство или иное какое лихое дело, опричь розбоа, в котором городе или в волосте, а будет ведомой лихой человек, и наместнику или волостелю велети того³⁶⁸ казнити смертною казнью, а исцово велети доправити³⁶⁹ из ево статка; а что ся³⁷⁰ от исцова³⁷⁰ останет, и наместнику³⁷¹ и его тиуну то имати себе³⁷². А не будет у которого лихово статка, чем исцово заплатити, и ему тово лихово³⁷³ исцу в его гибели не выдали, а велети его казнити смертною казнью, а на исце наместнику или волостелю и их тиуном не имати ничего. А приведут кого в розбое или кого³⁷⁴ в суде доведут, что он ведомой³⁷⁵ лихой человек³⁷⁵ разбойник, и наместником тех отдавали губным старостам. А старостам губным, опричь ведомых разбойников, у наместников³⁷⁶ не вступатись ни во что. А татей им³⁷⁷ судити по царевым великого князя губным³⁷⁸ грамотам, как в них написано.

61. А государьскому убойце, и ³⁷⁹градскому здавцу⁻³⁷⁹, и коромолнику, и церковному татю, и головному татю, и подметчику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку, живота не дати, казнити ево смертною казнью. А будет ³⁸⁰истец которому лихому человеку⁻³⁸⁰, и исцово заплатити из его статка; а что ево статка за исцовым останетца, и то дати в прогоны. А не будет у которого лихово человека столько статка, чем исцово заплатити, ино его исцу в его гибели не выдати, казнити его смертною казнью.

62. А боаром и детем боарьским судити, за которыми кормления з боарьским судом; а на суде у них³⁸¹ и у их тиунов⁻³⁸¹ быти, где дворской — к³⁸² дворскому³⁸³, старосте, и лутчим людям и целовалником. А судные дела у наместников и у их тиунов писати земьским дьяком, а дворскому да старосте и целовалником³⁸⁴ к тем судным делом руки свои прикладывати. А противни с тех дел с судных писати слово в слово наместничим дьяком, а наместником к тем противнем печати свои прикладывали. Да³⁸⁵ тех судных дел записку земсково дьяка руку з дворсково и з старостиною и с целовалниковыми руками наместником имати к себе; а противни тех дел наместником дьяков своих руку с своими печатми дворскому да старосте и целовалником давали; а которые староста и целовалники грамоте не умеют; и которые грамоте умеют, тем старостам и целовалником к судному списку земьского дьяка руке руки³⁸⁶ свои прикладывати; а противнем с тех дел наместнича дьяка руке быти у того старосты и у целовалников, которые грамоте не умеют, и оне ево дръжат у себя спору для. А без дворского и без старосты и без целовалников наместником и их тиуном³⁸⁷ не судити; а где дворсково нет и преж сего не бывал, ино быти в суде у наместников и у их тиунов старосте и целовалником; а без старост и без целовалников³⁸⁸ суда не судити. И посулов наместником и их тиуном и их людям не имати, и на государя своево тиуну и пошлиннику никому посулов от суда³⁸⁹ не просити. А имати наместником от суда пошлин: доищется ищеа своего в заемном деле или в бою или в , лае, и ему имати на виноватом с рубля по гривне, то ему и с тиуном; а не доищется ищеа своего, а будет ищеа виноват, и ему имати на ищеа с рубля по тому ж³⁹⁰, а будет дело выше рубля или ниже, ино имати на ишее или ответчике³⁹¹ по тому ж розчету; а доводчику его имати хоженое и езд и правда по уставной грамоте; а где не будет грамоты, и ему имати в городе хоженого по четыре денги, а езд на версту по денги, а на правду³⁹² в городе или в волосте вдвое. ³⁹²А досудятся до поля да, став у поля, помирятся, и ему имати с рубля по гривне ж, то ему и с тиуном, да полевых пошлин взяти полтретья-иать алтын³⁹³. А побьются на поле, ино на убитом полевых пошлин взяти полтора рубля, а доспеха не имати. А побьются на поле в пожеге, или в душегубстве, или в розбой, или в тадбе, а убьют ответчика, ино на убитом исцово доправити, а сам убитой в казни и в продажи наместнику и его тиуну; а убьют на поле ищею в пожеге, или душегубстве, или в розбое, или в татбе, и наместнику на нем имати с его иску четвертная³⁹⁴ пошлина по полуполтине с рубля, то ему и с тиуном, да полевых пошлин полтора рубля, а доспеху не имати.

63. А суд боярской: которому наместнику дано с судом с боарьским, и ему давали полные и докладные³⁹⁵; а правые и беглые давали з доклада; а без доклада правые и беглые не давати.

64. А детей боарьских судити наместником по всем городом по нынешним царевым государевым жаловалным вопчим³⁹⁶ грамотам.

65. А от правые грамоты имати боярину или сыну боарьскому, за которыми кормления с судом з боарьским, от печати с рубля по полутретья алтына, то ему и с тиуном, да дьяку его, которой правую грамоту напишет, имати с рубля³⁹⁷ от писма⁻³⁹⁷ по три денги; а тиун ево даст правую грамоту, и он емлет на государя своего и на себя от печати по тому ж с рубля по полутретья алтына, а дьяк емлет³⁹⁸ от письма⁻³⁹⁸, которой правую грамоту напишет, с рубля по три денги. А с холопа и с робы от правые грамоты и от полные боярину или сыну

боарьскому, за которыми кормление с судом з боарским, имати от печати з головы по полутретьа алтына, а дьяку от писма з головы по три денги.

66. А наместником и волостелем, которые дръжат кормленья без боарьского суда, полных и докладных не давати, и холопа и робы без доклада не выдати, ни грамоты беглые не дати; тополе и холопу и робе на государя грамоты правые без доклада не дати. А которой наместник или волостель без боарьского суда выдаст холопа или робу без³⁹⁹ доклада и правую грамоту даст. и та грамота не в грамоту; а что государь того холопа или робы убытка своего скажет, и то взяти на судье вдвое⁴⁰⁰, а истцом суд з головы.

67. А тиуну наместничю на кормление государю на холопа, ни холопу на государя без доклада правые грамоты не дати. А которой тиун государю на холопа или холопу на государя даст без доклада правую грамоту, и тому холопу, которой возмет правую грамоту на государя, дати суд з головы да то дело по суду и кончати, а наместнича или волостелина тиуна до царева государева указу вкинути в тюрьму, а убытки все правому взяти на тиуне. А даст тиун государю на холопа правую грамоту без доклада, и та правая грамота не в грамоту, дати суд с головы.

68. А которому наместнику дан в кормление город с волость-ми, или ему даны в кормление волости, а в которых волостех наперед сего старост и целовалников не было, и ныне в тех волостех. быти старостам и целовалником во всех. А случится кому в тех волостех перед наместником или перед его тиуном искати или отвечать, и в суде быти у наместников и у волостелей и у их тиунов тех волостей старостам и целовалником, ис которые, кто⁴⁰¹ волости ищет⁴⁰² или отвечает. А судные дела писати земьскому дьяку тое ж волости. А без старосты и без целовалников наместником и волостелем, за которыми кормления з боарьским судом, и за которыми кормления без боарьска-го суда, и их тиуном также⁴⁰³ не судити. И посула в суде наместником и волостелем и их тиуном не имати.

69. А пришлет наместник или волостель или их тиуни список судной⁴⁰⁴ к докладу, а будет ищеа или ответчик у доклада список оболжывит, ино послали на правду по дворского, и по. старосту, и по целовалников, которые у того дела в суде сидели, да велети им того дела и⁴⁰⁵ противень⁴⁰⁶ списка наместнича или волостелина дьяка руку с наместничею или с волостелиною печатью на исправу с собою привести. Да будут судные мужы скажут, што суд таков был, и руки у списка их, и противень будет наместнича или волостелина дьяка⁴⁰⁷ с тем судным списком земьсково дьяка рукою сойдется слово в слово, и тем тот виноват, хто список лживил, и список на него подписати. А скажут судные мужы, что суд был, да не таков, и список не⁴⁰⁸ земсково дьяка рука, и руки, скажут, у списка не их, и противень будет наместнича или волостелина дьяка⁴⁰⁹, с судным списком не в слово в слово, и по тому списку исцов иск взяти на судье, а пеню судье сверх того, что государь⁴¹⁰ укажет. А будет скажет и дворской, и судные мужы, и старосты, и цело-валники, которые грамоте умеют, что суд был таков, и руки у списка их, а те судные мужы, которые грамоте не умеют, с ними породнятся, скажут, что суд был, да не таков, а которой противень наместнича или волостелина дьяка руку положат⁴¹¹, и тот противень с судным списком не слово в слово, и тем виноват судья и судные мужы, которые по списку такали; и взяти исцов иск на тех на судье и на тех судных мужех, которые по списку такали, а пеню сверх того что государь укажет. А не станет за списком ищеа или ответчик на срок, а довотчик на него запись поручную положит, и того, которой не стал, по до-вотчикову слову обвинити; а подписати на него список за сто врсть семьюм днем по сроце; а доле ста верст или ближе, ино подписывати списки⁴¹²⁻ после срока⁴¹² по том ж расчету.

70. А кого наместничи или волостелины люди учнут давати от ково на поруку до суда и после суда, и по ком поруки не будет, и наместничим и волостелиным людям⁴¹³ тех людей⁴¹³

являти в городе прикащиком городовым да дворьскому, и старосте, и целовалником, а в волости являти старостам и целовалником, которые у наместников и у волостелей и у их тиунов в суде сидят; а не явя⁴¹⁴ тех людей, по ком поруки не будет, и наместничим и волостелиным людям к собе не сводити и у собя их не ковати. А ково наместнич и волостелины люди⁴¹⁵, не явя приказщиком, да дворьскому, да старосте и целовалником⁴¹⁵, да к себе сведут да у собя ево скуют, и кто тем людям род и племя придут на наместничих или на волостелиных людей к приказщиком, да к дворьскому, и к старосте, и к целовалником о том бити челом и являти,⁴¹⁶ и приказщиком⁴¹⁷, и дворьскому, и старосте, и целовалником⁴¹⁷ у наместничих и у волостелиных людей тех людей выимати⁴¹⁸; и кого⁴¹⁶ у наместничих и у волостелиных людей вымут скована, а им не явлена, ино на наместниче или на волостелине человеке взяти⁴¹⁹ безчестие, посмолтра по человеку; а чего тот на наместниче или на волостелине человеке взыщет, и тот иск взяти на нем вдвое.

71. А наместником и волостелем, которые дръжат кормления, и тиуном⁴²⁰ царя и⁴²⁰ великого князя, и боярьским тиуном, и⁴²¹ детей боарьских тиуном⁴²¹ татя и душегубца и всякого лихого человека без доклада не продати, ни казнити, ни отпустити. А кто татя или душегубца и всякого лихого человека отпустит, или⁴²² без доклада продаст или казнит, и на том судье истцовы иски доправити вдвое, а в государево пени кинути в тюрьму до царева государева указу.

72. А по городом наместником городских посадских всех людей промеж их судити, обыскивая⁴²³ по их животом⁴²³ и по промыслом и по розмету: сколке рублей кто цареву и великого князя⁴²⁴ подать дает, по тому их, обыскивая, судити и управа чинити. А розметныя книги старостам и соцким и десяцким и всем и людям тех городов своих разметов земсково дьака руку за своими руками ежегод присылати на Москвук тем боаром, и дворецким, и х казначеем, и к дьаком, у кого будут которые города в приказе; а другие книги разметные⁴²⁵ своих разметов старостам и соцким и десяцким тех городов, где кто живет, отдавати тех городов старостам и целовалником, которые у наместников в суде сидят. И кто тех городов городцкие⁴²⁶ посадцкие люди учнут промеж собя искати много, не по своим животом, и про тех⁴²⁷ исцов сыскивати разметными книгами, сколько он рублей своего живота подати дает; и будет живота ево столко есть, на сколько ищет, ино ему дати суд; а будет живота ево⁴²⁸ сколько нег⁴²⁸, и тех исцов в их исках тем и винити, а пошлины имати по Судебнику, а Цареве государево пене велети дати на поруку да прислати к Москве ко государю. А городцким посацким людям искати на наместниках и на их людех по своим же животом и по промыслом и по розмету; а которого году староста и целовалники разметных книг к Москве не пришлют, и в том году на наместника суда им не дати. А по волостем⁴²⁹ волостелем судити черных людей по их жалобницам и управа им чинити безволо-китно. А кто взыщет много, не по животом, а ответчик учнет бити челом, а скажет, что тот истец ищет много, не по животом, а живота его столко нет, на колко ищет, и тем волостелем посылали о том, выбираючи тех же волостей лутчих людей да целовалника одного или двух, посмолтра по делу, а велети про то обыскати накрепко: было ли живота ево столко, на колко ищет; и скажут в обыску, что живота ево столко было, ино в том ему суд дати; а скажут в обыску, что столке живота ево не было⁴³⁰, мно его обвинити и пошлины на нем взяти, а в государево пене, в ябедничьстве дати его на поруку да прислати с обыскным списком к Москве.

73. А которой человек скажет, что у него был живот чюжей, и того обыскивати, был ли у него тот живот и было ли столко того живота; и чей скажет⁴³¹ тот у него живот был⁴³¹, ино про го⁴³² обыскати, было ли у него столке живота, и которым обычаем тот у него живот взят; да по тому дело и вершити.

74. А на котором городе будут два наместника или на волосте два волостеля, а суд у них не в разделе, и им имати пошлины по списку обема за одного наместника⁴³³, а⁴³⁴ тиуном их за

одного тиуна⁴³⁴, и оне собе делят по половинам. А которые города или волости поделены, а случится им суд вопчей, и им обеа пошлины имати одны, да те им пошлины делити⁴³⁵ межу собя⁴³⁵ по половмма-и же. А возмут те два наместника или два волостеля или два тиуна с одново дела пошлину вдвое, и уличат их в том, и тому, на ком пошлины взяли, на тех немест-никех или на волостелех и на их тиунех те пошлины велети взяти втрое.

75. А кто пошлет пристава по наместника, по боарина, или по сына боарьского, или по волостеля, и по их тиунов⁴³⁶, и по царева великого князя тиуна и по доivotчиков, и наместнику, или волостелю, и их тиуном, и великого князя тиуном и доivotчиком отвечать к сроку ехать; а не поедут к сроку сами, и им к сроку в свое место послати к ответу;⁴³⁷ а не приедут сами к ответу и в свое место не пришлют отвечать⁴³⁸ после срока за сто врѣст в семей день, и тех⁴³⁹ обвиниги и исцовы иски по жалобницам и неделщиков езд доправить на тех, да отдати иск ищеам. А срочных⁴⁴⁰ по приставным на наместников и на волостелей и на их тиунов не наметывати; а .из далных городов⁴⁴⁰ роэчитати по врѣстам по тому ж расчету. А з записми⁴⁴¹ не посылати никуды, опричь ведомых разбойных дел, а⁴⁴² наместников и волостелей и их тиунов и их людей, опричь приказных⁴⁴³ дел. в⁴⁴⁴ которых делех⁴⁴⁴ велит государь дати запись⁴⁴⁵. А приставов з записми по наместников и по волостелей и по их тиунов давати, а велети им чинити срок, как съедет з жалования, опричь тех записей, которую запись велят дати бояре, приговора вместе; а одному боярину и дьяку пристава з записью не дати.

76. А О ХОЛОПСТВЕ СУД. По полной холоп грамоте. По ключю по селскому з докладною холоп з женою и з детми, которые у одново государя с ним в одной крепости и которые породилися в холопстве; а которые его дети а родились до холопства, а учнут жыти у много⁴⁴⁶ государя, или себе учнут жыти, то не холопы. А по городцкому ключю не холоп. По робе холоп; по холопе роба. По духовной⁴⁴⁷ холоп. По приданой робе холоп, а по холопе роба. А по тиуньству без полные и без докладные не холоп; а по селскому ключю без докладные не холоп. А полному и докладному холопу сына своего слободного, которой ся у него родил до холопства, не продати, а продаст [ся] он сам кому хочет, тому же ли государю, у кого отец его служит, или иному кому хочет; а отцу его и матери у полные не стояти и ис холопства не взяти, потому что отец его и мати сами в холопех; да и в полных и в докладных то писати, что отец его и мати у него есть, а у полные не стоали, потому что сами в холопех. А у кого отец в чернцех или мати в черницах, и тому отцу и матери у своего сына и у дочери у полные и у докладные не стоати и из холопства не взяти; а в полные и в докладные писати, что у того отець или мати есть, а у полных и у докладных не стоали, потому что пострижены; да и не продати тех⁴⁴⁸ детей своих, продаст[ся] он сам кому хочет.

77. А отпускные давати з боарьского⁴⁴⁹ докладу; а бояром к тем отпускным печати свои прикладывати, а дьяком подписывати. А отпускные давати на Москве бояром и дьяком, да давати отпускные в Великом Новгороде да во Пскове наместником и дьяком⁴⁵⁰. А пошлины имати от отпускные боарину или наместнику от печати з головы по девяти денег, а дьяку от подписи з головы по алтыну, а подьячему, который отпускную напишет, з головы по три денги. А опричь Москвы и Великого "овагорода и Пскова инде нигде ни в которых городех отпускных не давати. А хто положит отпустную без боарьского доклада, и без новгородских и псковских наместников доклада, и без дьячей подписи, хотя и государя своего руку, и та отпускная не в отпустную.

78. А которые люди водные⁴⁵¹ учнут бити челом князем, и бояром, и детем боярьским, и всяким людем, а станут на собя давати кабалы за рост служити, и боле пятинатцати рублев⁴⁵² на серебряника⁴⁵² кабалы не имати. А старые кабалы, которые иманы на волных людей и болши пятинатцати рублев до сего Уложения а за рост им в тех денгах служити у них, и тем людем приносить те кабалы к бояром, и бояром к тем кабалам печати свои прикладывати, а

дьяком подписывати; а вперед хто ту кабалу оболжывит, и та кабала врьшити по суду. А имати им кабалы на волных людей, а на полных людей, и на докладных, и на старинных холопей кабал не имати. А хто возмет на полного, и на докладного, или на старинного холопа кабалу, не опытов, или кто на него беглую грамоту возмет, а кто на того холопа положит полную или докладную, или доведет на него⁴⁵³ старинное холопство по духовной грамоте или по иным крепостем, и у того денги пропади; а чей тот холоп был, а скажет тот, что от него тот эбежал, пократчи, и та гибель взяты⁴⁵⁴ на том, хто, не обыскав, на чюжего холопа кабалу воз-мет или беглую возмет; а тот холоп по старому холопству, или по полной, или по докладной, или по духовной тому государю.

79. А положат на одного холопа две полные или две докладные, и котораа будет старее, тому тот холоп, а денги по новой полной или по докладной пропади у того; а снос⁴⁵⁵ старого государя взяты на том, хто положит новую полную и докладную, а тот ся ведает с своим знахарем сам; а станет тот на того знахаря бити челом о суде, ино на него суд даты.

80. А холопа рать полонит, а выбежит ис полону, и он сло-боден, а старому государю не холоп. А похочет тот холоп к своему старому государю, и того холопа явити бояром, а дьяку подписати на старой крепосте, и пошлины имати з головы по алтыну. А которой холоп побежит з государем своим или один побежит без государя своего, а не рать полонит, и выйдет тот холоп ис которые земли опять к Москве, и он старому государю холоп по старому холопству, опричь того, не что кого⁴⁵⁶ государь пожалует, даст волную грамоту.

81. А детей боарьских служилых и их детей, которые не служивали, в холопы не приимати никому, опричь тех, которых государь от службы отставит.

82. А кто займет сколке денег в рост, и тем людем у них не послужити⁴⁵⁷ ни у кого, жити им себе, а на денги рост давати им. А кто даст денег в заел⁴⁵⁸, да того человека станет дрѣжати у себя, и эбежит у него тот человек покрадчи, и что снесет, то у него пропало, и по кабале денег лишен.

83. А наймит у государя у своего не дослужит уроку да пойдет прочь, ино найму лишен. А которой государь наймиту не захочет даты найму, и⁴⁵⁹ уличат его в том, и наймиту⁴⁵⁹ на том доправити наем вдвое.

84. А О ЗЕМЛЯХ СУД⁴⁶⁰. Взыщет боярин на боарине. или монастырь на монастыре, или боярин на монастыре⁴⁶¹, ино судити за три годы; а взыщет монастырь на боярине, ино судити за три ж годы, а дале трех годов не судити; а взыщет черной на черном, или помещик на помещике, за которыми земля царя и великого князя, или⁴⁶² черной селской⁴⁶² на помещике, или помещик на черном на сельском, ино судити по тому ж за три годы; а дале трех годов не судити. А взыщет на боарине или на монастыре царя и великого князя земли, ино судити за шесть лет; а дале не судити. А которые земли за приставом в суде, и те земли досуживати. А государю и бояром всем приказным людем по ищеину челомбитью судьи на землю не посылати, а послаты⁴⁶³ судью на землю, выбрав одного не по их челомбитью; а дну судей на землю не посылати.

85. А В ВОТЧИНАХ СУД. Кто вотчину продаст, и детем его и внучатом до тое вотчины дела нет, и не выкупити ее им; а братья будут или племянники в тех купчих в послусах⁴⁶⁴, и им и их детем по тому ж до тое вотчины дела нет и внучатом. А не будет братья в послусах или племянников, и братья или сестры и племянники ту вотчину выкупят. А станет тот купец ту вотчину продавати, и тем продавцом вотчина у них купити полюбовно, как ему тот продавец ту вотчину продаст; а не полюбовно ему вотчины не выкупити. А судити о вотчине за сорок лет; а дале сорока лет вочьичем до вотчины дела нет. А до купель дела нет: кто куплю⁴⁶⁵

продаст, и детям и братьи и племянником тое купли не выкупати. А кто напишет свою куплю детям своим после своего живота⁴⁶⁶, ыно им вотчина: то им дръжати в вотчину⁴⁶⁷, и впредь им та вотчина выкупити по тому ж указу за вотчину. А кто вотчину свою выкупит в те урочные сорок лет, и та ему вотчина дръжати за собою, а иному тое вотчины не продати, ни заложити в чюжей род, а отдати ему та вотчина в свой род тому ж⁴⁶⁸, кого нет в прежних купчих в послусех. А кто купит вотчину чюжими денгами или заложит или продаст, а доведет на него продавец, что он выкупил чюжими денгами и дръжит ее не⁴⁶⁹ за собою, и та вотчина прежнему продавцу безденежно. А кто похочет вперед свою вотчину мимо вотчичев зало-жыти у старенного человека, и тем сторонним людям и невоч-чичем те вотчины в заклад имати в колке чего та вотчина судит⁴⁷⁰; а возмет кто сторонней человек, а не вотчичь, чью вотчину в заклад во много⁴⁷¹ болши тое цены, чево та вотчина судит, и хто вотчичь учнет бити челом, что закладывает или уже⁴⁷² и заложил в чюжей род, и тому вотчичю та вотчина в заклад взяты в меру, чево та вотчина судит; а што тот денег болши того дал в заем лишек болши тое цены, чево та вотчина судит, и у того те денги пропали. А хто свою вотчину променит невотчичю, а примет денег, и хто вотчичь ту вотчину учнет выкупати, и тому та вотчина выкупати; а земли ему оставити в меру⁴⁷³, сколько он своей земли променил.

86. А промеж сел ц деревень городити изгорода⁴⁷⁴, по половинам; а чьею изгородою⁴⁷⁵ учинитца протрава, ино тому платити, чья изгорода⁴⁷⁶. А где отхожие пожни от сел и от деревень, и паженному государю не городитись, городит тот всю изгороду, чья к пожни⁴⁷⁷ земля орамая пришла. А кто вытравит какой хлеб или пожню, и тот хлеб и пожню платити тому, чья изгорода.

87. А кто сорет⁴⁷⁸ межу или грань ссечет ис царевы и великого князя земли у боарина или у монастыря, или боарьской у монастырского, ⁴⁷⁹или монасты[рьско]й у боарьского⁴⁷⁹, и хто в тех межу сорет или грань ссечет, ино того бити кнутьем да исцу на нем взяты рубль; а крестиане меж собя в одной волости или в селе хто у кого межу сорет⁴⁸⁰ или перекосит, ино волостелю или посольскому имати на нем за борон два алтына.

88. А крестианом отказываться из волости в волость и из села в село один срок⁴⁸¹ в году: за неделю до Юрьева⁴⁸² дни до осеннего и неделя по Юрьеве⁴⁸³ дни осеннем. А дворы пожилые платят в поле⁴⁸⁴ рубль и два алтына, а в лесех⁴⁸⁵, где десять врѣст до хоромного лесу, за двор полтина и два алтына. А которой крестианин за кем живет год да пойдет прочь, и он платит четверть двора; а два года поживет, и он платит полдвора; а три годы поживет, и он платит три четверти двора; а четыре годы поживет, и он платит весь двор, рубль и два алтына. А пожилое имати с ворот. А за повоз имати ⁴⁸⁶з двора⁴⁸⁶ по два алтына; а опричь того пошлин на нем не имати⁴⁸⁷. А останетца у которого крестианина хлеб в земли, и как тот хлеб пожнет, и он с того хлеба или с стоачего даст борон два алтына⁴⁸⁸; а по кои места была рож его в земле, и он подать цареву и великого князя платит со ржы, а боярьского дела ему, за кем жыл, не делати. А попу пожылого нет, и ходити ему вон⁴⁸⁹ безсрочно воля⁴⁹⁰. А которой крестианин с пошли продаст[ся] в холопи [в] полную, и он выйдет бессрочно ж⁴⁹¹, м пожылого с него нет; а которой хлеб его останется в земле, и он с того хлеба подать цареву и великого князя дает⁴⁹²; а не похочет подати платити, и он своего хлеба земленаго⁴⁹³ лишен.

89. А убьют ко[торо]го крестианина на поле в розбое или в ыном в котором в лихом деле, и дадут того крестьянина за государя его⁴⁹⁴, за кем живет, или выручит его государь тот, за кем живет, и пойдет тот крестианин из-за него вон, ино его выпустити; а на отказщика в том деле взяти порука з записью: попытают того крестианина на том его государе, за кем жыл, в ыном в каковем деле, и он бы был в лицах.

90. А который купец, идучи⁴⁹⁵ на торговлю, возмет у кого денги или товар, да на пути у него утерается безхитростно тот товар, истонет, или эгорит, или рать или розбой возмет, и

боярин, обыскав, тому велит дати цареву и великого князя⁴⁹⁶ по-летнюю грамоту с великого князя печатью: посмотри по животом, платится исцом в ыстину⁴⁹⁷ без росту. А кто у кого, идучи в торговлю, взяв да пропьет⁴⁹⁸ или иным каким безумием⁴⁹⁹ тот товар погубит без напрасньства⁴⁹⁸, и того выдати истцу головою до искупа. А в разбойном деле дадут кому полетнюю грамоту, и как своего розбою доищется, или в его иску⁵⁰⁰ разбойников поймают, и у того грамота его полетняя⁵⁰¹ не в грамоту.

91. А попа, и дьякона, и черньца, и черницу, и старую вдовицу, которые питаются от церкви божией, ино их судити святителю или его судьям; а будет простой человек с церковным ино суд вопчей; а которая вдовица питается не от церкви божией, а живет своим домом, ино то суд не святителской. А торговым людем городским в монастырей в городцких дворех⁵⁰² не жити, а которые торговые люди учнут жыти на мо-настырех, и тех с монастырем сводити да и наместником их судити. А на монастырех жыти нищим, которые питаются от церкви божией милостынею.

92. А которой человек умрет без духовной грамоты, а не будет у него сына, ино статок весь и земли⁵⁰³ взяти дочери; а не будет у него дочери, ино взяти ближнему от его роду.

93. А кто купит на торгу что поношено у носящего или с лавки, ино тому купити с порукою с рядовою; а кто купит без поруки, и тому тем быти виновату.

94. А кто купит лошадь на Москве или в Московском уезде, и тем лошади пятнати у пятенщиков на Москве да и в книги написати по старине; а пошлина имати пятенщиком по старине ж.

95. А по городом и по волостем где кто лошадь купит или менит, тут у наместников, и у волостелей и у их пошлинников и пятнает; а записывати те лошади в книги у целовалников дьяку земскому; а пятенщиком имати с купца денга, а с продавца денга ж. А целовалником к⁵⁰⁴ дьяку зел<скол|у у тех на-лестников и у волостелей пятна их писати образцы в книги спору для. А хто купит лошадь в своей волости или выменит, а до⁵⁰⁵ такова ж дни не запятнает и в книги не запишет, и уличат его в том, и на том, кто купит или выменит, взяти наместнику или волостелю или пятинщику пропятения два рубля; а хто поймався за ту лошадь да чего с тою лошадыю взыщет, доколе ея не запятнил, и на том тот иск взяти без суда, хто ее не запятнил. А детем боярским купленные и меновные лошади пятнати по тому ж. А в служебном походе кто у кого купил лошадь, и кто у него за ту лошадь поимается, и тот, хто купил, поставит свидетелей человек⁵⁰⁶ пять или шесть на того, у кого купил, а запрется тот, у кого он купил, ино им суд. А кто где купит лошадь или выменит не в своем присуде, тот тут и пятнит; а приведет ту лошадь к себе непятнану, и уличат его в том, и на том пропятение взяти, у кого он в присуде.

96. А наместником, и волостелем, и их тиуном, и пятенщиком в городех и в волостех непродажных и доморошенных лошадей не пятнати. А кто учнут в городех или в волостех непродажные и доморощенные лошади пятнати, и доведут на него то, и хто на нем взыщет чего в тех лошадах, и те ему убытки платити без суда втрое, а в пене что государь укажет.

97. А которые дела преж сего Судебника вершены, или которые не вершены в прежних во всяких делах,⁵⁰⁷ суженых и несуженых⁵⁰⁷, и тех дел всех не посуживати, быти тем делом Российское всем в землях, и в холопстве, и в кабалах, и во всяких делах и в тиунстве судити по тому, как те дела преж сего сужены⁵⁰⁸, вершены. А вперед всякие дела судити по сему Судебнику и управа чинити по тому, как царь и великий князь в сем Судебнике с которого дни уложил.

98. А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева доклада и со всех боар приговору вершается, и те дела в сем Судебнике приписывати. : 99. Да велети прокликати по торгом на Москве и во всех го-родах Московские земли, и Ноугородские земли, и Тверские земли, и по волостем, чтоб ища или ответчик судьям и приставом посулов в суде не сулили; а послуши бы, не видеви, не послушествовали, а видеви сказали б в правду. А послух опо-слушествоует, не видеви, лжыво, а обыщется то опосле, ино на виноватом послухе гибель исцова и убытки все⁵⁰⁹, а а вине клзнити торговою казнью.

[100]100. О СУДЕ С УДЕЛНЫМИ КНЯЗЬИ⁵¹⁰. А взыщет москвитин какова дела на селских волостелех, которые селца московские за уделными князьми, ино судити царю и великому князю; а не отвечает волостель селецкой, и царю и великому князю его обинити. А взыщет селецкой на селецком, а судит их их же волостель. А не будет их князя на Москве, и волостелю к докладу с Москвы не вести, а ждати князя на Москве; а поведет их волостель с Москвы⁵¹¹ к докладу к своему князю, а учтет тех исцов один к царю и великому князю и бьет челом царю и великому князю на того волостеля⁵¹², и царю и великому князю на того волостеля дати пристава; а повезет⁵¹³ его через то в удел, и тем его царь и великий князь обинит. А бьет челом царю и великому князю царя и великого князя сын боярской на уделного человека, и царь и великий князь, воименовав своего судью, да пошлет к своему брату к уделному князю, коли будет князь на Москве, и удельной князь даст своего судью; а суду быти на Москве, хотя б тот человек был в его деле на Москве. А уделного князя сын боярской бьет челом на царя и великого князя человека, ино суду быти такоже на Москве. А бьет челом царю и великому князю жалобник уделного князя человек из его вотчины на царя и великого князя человека, и царь и великий князь даст пристава, да судит царь и великий князь сам. А на мос-квитине взыщет которого князя уделного городцкой человек, ино кудити их намесником московским а без судьи. А искати москвитину на уделного князя городцком человеке, ино ему ехати с судьей, а судье быти московских намесников. А деловые люди в монастырских станех которого князя, и писцы царя и великого князя пишут их под сотника в дань и во все проторы, а князю над ними суд один. А случитца суд⁵¹⁴ сместной в селцах в монастырских уделному с уделным, или деловым с становым и з городцким, или с селецким и с монастырским, и судьям доложит царя и великого князя, а третьего им в том нет ничего.

КОММЕНТАРИЙ

Заголовок

Заголовок, аналогичный тексту заголовка Судебника 1497 года, свидетельствует о том, что данный Судебник был утвержден на заседании Боярской Думы в июне месяце 1550 года. Точная дата принятия документа расходится в различных списках от 1 до 24 июня. Работа над Судебником связывается советскими исследователями с подготовкой и принятием в феврале 1549 года ряда законодательных актов об ограничении прав наместников вершить суд над *детьми боярскими*. Необходимость земского устройства обсуждалась Иваном IV на собраниях, в которых участвовали и служилые люди. На одном из них 28 февраля 1549 г. (известном как “Собор примирения”) была рассмотрена широкая программа реформ, направленных на укрепление социально-политических основ Русского централизованного государства. Главными целями этой программы были, во-первых, обеспечение защиты интересов широких слоев служилых людей путем предоставления им земель, и, во-вторых (в соответствии с требованиями торговых и посадских людей), коренная реорганизация системы косвенного “обложения и приостановление дальнейшего наступления вотчинного привилегированного землевладения на посады. Тогда же был решен вопрос и о подготовке нового свода законов, которым и стал впоследствии Судебник 1550 года⁵¹⁵.

Порядок его принятия трактуется исследователями различно. Так, С. О. Шмидт полагает, что данный Судебник был принят в июне — июле 1550 года на “третьем Соборе примирения”, явившемся, по его мнению, фактически первым Земским собором. Н. Е. Носов, относя время созыва Земского собора к февралю — марту 1549 года, связывает принятие Судебника с заседанием Боярской Думы в июне 1550 года и последующим утверждением его Стоглавым собором, состоявшимся в 1551 году. Он считает, что антицерковная тенденция Судебника предопределила необходимость принятия его Боярской Думой без участия духовенства. Вместе с тем стремление различных московских политических группировок усилить свои позиции вынудило царя вынести принятый Боярской Думой Судебник на утверждение представительного собрания — Стоглавого собора⁵¹⁶.

Бесспорной остается, однако, оценка Судебника 1550 года как законодательного акта сословно-представительной монархии⁵¹⁷.

В заголовке отражены также изменения, происшедшие в политической обстановке и, соответственно, в государственных органах.

Выделение новых должностей дворцового аппарата и великокняжеской канцелярии обусловило введение некоторых из них в состав судебных органов. В заголовке упомянут более широкий круг должностных лиц, чем в заголовке Судебника 1497 года.

Дворецкий ведал вопросами поземельной собственности, выдавая от лица великого князя (позже — царя) жалованные грамоты феодалам, судил великокняжеских слуг, отдавал распоряжения, касавшиеся дворцовых крестьян, выступал как судья в отношении населения великокняжеского домена по спорным делам с другими феодалами, черносошными крестьянами или посадскими людьми, осуществлял контроль над деятельностью кормленщиков. Он также являлся апелляционной инстанцией по наиболее важным уголовным делам (разбой и татьба с поличным)⁵¹⁸. Дворецкие в большинстве своем формировались из состава старшего нетитулованного боярства, тесно связанного с Москвой⁵¹⁹.

Казначей ведал взиманием торговых и таможенных пошлин и разного рода штрафов. Он же осуществлял суд над всеми посадскими, холопами и другими жителями волостей по делам о долгах, правеже, спорах между жителями разных городов. Казначей назначались обычно не из представителей княжеской, боярской знати, а из близких великим князьям людей, хорошо знавших финансовое дело и разбирающихся в вопросах внешнеполитических сношений Русского государства.

Заголовок, как достаточно убедительно показал И. И. Смирнов⁵²⁰, свидетельствует о возросшем значении дьяков и приказов, которые теперь входили в состав центрального суда. То, что всяким *приказным людям* поручались те или иные отрасли управления, говорит об увеличении административного аппарата и развитии учреждений общегосударственного значения. Не ограничиваясь перечислением состава центрального суда, заголовок упоминает судебные инстанции на местах — наместников, волостелей, тиунов и иных судей.

Статья 1

В ст. 1 определяется порядок боярского суда, дополняется состав судей представителями как высшей (казначей, дворецкий), так и служилой бюрократии (дьяк), сохраняется без изменений декларация Судебника 1497 года о запрещении посулов и необходимости справедливого суда.

Статьи 2—7

Статьи являются логическим продолжением и развитием ст. 1, Они конкретизируют порядок отправления правосудия и впервые устанавливают ответственность судей за вынесение неправильного решения, т. е. формулируют понятие должностного преступления.

Статья 2, имея в своей основе ст. 19 Судебника 1497 года, не ограничивается указанием на необходимость пересмотра неправильного судебного решения, а специально оговаривает случай, когда неверное решение вынесено судьями безхитростно, т. е. вследствие добросовестного заблуждения, ошибки или неопытности судьи. Ошибочное решение аннулируется, а все неправомерно полученное — возвращается. При этом стороны получают право на пересмотр дела. Судьи за такое решение ответственности не несут, ибо в их действиях нет состава преступления.

В ст. 3 впервые намечается состав должностного преступления, а именно — вынесение неправильного решения в результате получения взятки. В этом случае судьи несут материальную и уголовную ответственность. Они обязываются возместить истцу сумму иска и все судебные пошлины в трехкратном размере. Что касается уголовной ответственности, то, в соответствии с феодальным правом-привилегией, наказание в отношении высших должностных лиц определял глава государства. Для более низких чинов судебного аппарата уголовная ответственность устанавливается в данном Судебнике. Гак, по ст. 4 дьяк, составивший за взятку подложный протокол судебного заседания либо неправильно записавший показания сторон или свидетелей, уплачивал половину суммы иска. Другую половину возмещал боярин, который, будучи высшим по должности лицом, должен был следить за своим подчиненным. Дьяк, кроме того, подлежал тюремному заключению.

Согласно ст. 5, подьячий подвергался за то же преступление торговой казни.

Торговая казнь в ст. 5 и ст. 6 понималась М. Ф. Владимирским-Будановым как битье кнутом⁵²¹. Б.А.Романов, оспаривая эту позицию, к сожалению, не уточняет различия между торговой казнью и наказанием кнутом⁵²². Если ст. ст. 2—5 впервые в законодательстве отграничивают судебную ошибку от преступления по должности, наказуемого в зависимости от ранга должностного лица, то в ст. ст. 6—7 также впервые вводится наказание за ложное обвинение должностных лиц в неправосудии и предоставляется право на обращение с челобитья-ми в вышестоящую инстанцию, т. е. к государю.

В ст. 6 предусматривается ответственность за ложное обвинение судей в умышленном неправосудии. Жалобник, совершивший фактически *ябедничество*, наказывался *сверх вины* (т. е. помимо вынесенного ему приговором наказания) дополнительно битьем кнутом и тюремным заключением. Ябедничество наказывалось строже, чем умышленное неправосудие⁵²³. Это способствовало ограничению потока челобитных⁵²⁴.

Статья 7 является уточнением и развитием ст. 2 Судебника 1497 года. По мнению В. И. Сергеевича, начиная с XVI в. из состава Боярской Думы назначались специальные лица для расследования того или иного дела, что положило начало созданию ряда приказов — Разрядного, Поместного и др. Таким образом, каждому судье были теперь известны в точности пределы его компетенции, т. е. приказы уже определились⁵²⁵. Именно поэтому, считает М. Ф. Владимирский-Буданов, ст. 7 не только обязывает судей давать управу жалобщику своего приказа или направлять его в соответствующий приказ по подсудности, а о наиболее важных делах докладывать государю, но и устанавливает ответственность за несоблюдение этих обязанностей⁵²⁶. Форма и степень наказания определяются государем (*быти от государя в опале*). По словам В. Н. Татищева, “опала есть гнев государев” и

означает его право выбрать разного рода наказание в зависимости от личности виновного. Так, “знатному не велят ко двору ездить; ...не велят со двора съезжать; и сие как скоро кому объявят, обыкновенно черное платье надевали...”⁵²⁷. Лицо оставалось в опале до определения вида наказания или пока не наступит помилование. Опала обычно касалась высших кругов населения.

Одновременно с ответственностью судей за отказ в правосудии, статья вводит наказание для жалобщика, который *бьет челом не по делу*, т. е. приносит жалобу на судей, отказавших ему в иске ввиду его незаконности. Вынесенное с соблюдением установленной подсудности определение об отказе в иске считалось окончательным. Если же *жалобицик учнет... докучати государю...*, т. е. настаивать на принятии жалобы на судей, то он подлежит тюремному заключению.

Статьи 8—10

В ст. ст. 8—10 определяется размер пошлин, которые полагались должностным лицам. Подьячим запрещалось брать пошлины за составление записки (ст. 8). Хотя в ст. 10 так же, как и в аналогичной ей ст. 5 Судебника 1497 года, не определяется порядок взимания пошлин в случае примирения на поле до начала поединка, на практике пошлина взималась с обеих сторон. *Стояв у поля истей, с ответчиком да помиряются, и им (недельщикам) с обеих пошлин имати 10 денег*⁵²⁸. Ограничение пошлин имело своей целью не столько “внешне прокламировать возможность населения обращаться со своими жалобами к центральной власти”⁵²⁹, сколько предоставить ей право сосредоточения в своих руках и окончательного решения судебных дел. Нововведением статей является установление ответственности должностных лиц за превышение установленных пошлин. Это, по мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, в точном смысле — *лихоимство*, т. е. взимание позволенных пошлин свыше, *лишек* таксы. Взятый *лишек* в суде или на любой стадии проведения поля возвращался должностными лицами в тройном размере. По показаниям иностранцев, судьи и дьяки, изблещенные в лихоимстве, могли быть подвергнуты телесному наказанию, сопровождавшемуся бесчестьем. Виновному привязывали к шее кошелек, серебро, мягкую рухлядь, жемчуг, даже соленую рыбу, или другую вещь, взятую им в подарок⁵³⁰.

За ложное обвинение должностных лиц в произвольном увеличении пошлины предписывается *жалобника казнити торговою казнью да вкинути в тюрьму*, т. е. подвергнуть тому же наказанию, что и при оговоре в неправосудии (см. ст. 6).

Статьи 11—12

Статьи 11—12, имея в своей основе статьи 6—7 Судебника 1497 года, перераспределяют виды и суммы пошлин за организацию поединка. Пошлины за поле получали непосредственные организаторы его — окольничий, дьяк, недельщик. При этом размер пошлин, по сравнению со ст. 10, предусматривавшей примирение *у поля*, увеличивался вдвое. Вводилось также дополнительное вознаграждение окольничему (3 рубля) за доспехи побежденного.

Согласно ст. 11, результаты судебного поединка были окончательными лишь *в заемном деле или в бою*. Поле начиналось по заявлению стороны. Неявка одной из сторон или бегство с поля вели к прекращению дела. О бегстве с поля говорится в правой грамоте митрополичьим крестьянам Юрьевского уезда от 19 марта 1525 года, по которой истцы, стоявшие 7 дней *у поля*, выиграли дело потому, что *боец ответчика на первой срок у поля стал был да от поля збежал не ведает куде*⁵³¹. Пошлины в этих случаях взимались как при мировой сделке. Но по сравнению со ст. 10 здесь брались еще избные пошлины. Последний термин трактуется

по-разному. М. Ф. Владимирский-Буданов предлагает читать *избойные*, взимаемые с победителя, аналогично древнему *помойному*⁵³². По мнению А. Г. Поляка, избные пошлыны в данном случае ничем не отличаются от пошлын *полевых*⁵³³.

Статья 12, определяя порядок решения *полем* наиболее опасных дел (поджог, убийство, разбой, воровство), сохраняет положение ст. 7 Судебника 1497 года о том, что побежденный, кроме удовлетворения иска, подвергается наказанию по усмотрению судьи.

Новым является положение, предусматривающее для побежденного необходимость найти поручителей, при их отсутствии он подлежал тюремному заключению. Такой порядок действовал в случае, когда побежденным оказывался ответчик. Если побежденным был истец, то, согласно ст. 62, его ответственность ограничивалась уплатой пошлын, хотя, по мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, это являлось с точки зрения Судебника большой непоследовательностью, ибо лживый обвинитель — *ябедник* не мог нести меньшее наказание, чем обвиняемый в душегубстве, татьбе или разбое.

Статья 13

В ст. 13 (повторяющей ст. 68 Судебника 1497 года о порядке проведения *поля*) подчеркивается обязанность окольных идьяков обеспечить равенство сторон в поединке. В этих целях статья усиливает репрессивные меры в отношении *опричных*, посторонних людей, отказ которых покинуть *поле* влечет для них тюремное заключение.

Нельзя не обратить внимания на то, что в ст. ст. 8—13 (наряду с ответственностью должностных лиц за неправосудие и лихоимство) предусматривается ответственность (и значительно большая — от торговой казни до тюремного заключения) заложное обвинение в должностных преступлениях. Таким образом фактически формируется понятие нового состава преступления — преступления против судебной власти.

Статья 14

Являясь законодательной новеллой, ст. 14 развивает норму предыдущей статьи о необходимости равенства сил поль-щиков. Никакие другие (социально-правовые) различия, как правильно отметил М. Ф. Владимирский-Буданов, не принимались во внимание. “Когда, при великом князе Василии Ивановиче, дети боярские не хотели биться с крестьянами, требуя, чтобы противники выставили детей же боярских, то суд принял это за отказ от поля и обвинил детей боярских”⁵³⁴. В обеспечение равенства сил статья вводит правило: *А битися на поле бойцу з бойцом или небойцу с небойцом*. Исключения, вероятно, имевшие место на практике, допускались только при том условии, если *небоец* вступал в поединок с бойцом по своей воле или даже инициативе.

Статья 15

Статья конкретизирует и дополняет ст. 51 Судебника 1497 года о лишении истца права на удовлетворение иска, если выставленный им послух не говорит *в ысцевы речи*, т. е. не подтверждает какие-то факты, приводимые истцом. В случае расхождения в показаниях свидетелей они сами могут просить *поле*. Нежелание послухов, поддерживающих истца, участвовать в поединке расценивалось как выступление против истца, который оказывался *в том и виноват*. В статье предусматриваются также разногласия, могущие возникнуть между свидетелями (всеми или некоторыми), подписавшимися на заемном обязательстве, и дьяком, его скреплявшим. И в этом случае спор решался *по тому же*, т. е. поединком между спорящими сторонами.

Как уже отмечалось, *поле* постепенно себя изживало. Еще в XV в. принимались меры к его ограничению. С середины XVI в., как показал Б. А. Романов, его отмена фиксируется законодательно. Впервые это нашло отражение в приговоре царя Ивана IV *со всеми бояры* от 21 августа 1556 г., запрещавшем присуждать *поле* при разноречиях послухов. В ряде последующих актов *поле* заменялось *целованьем с жеребья*, т. е. принесением присяги по жребью⁵³⁵.

Статья 16

Статья 16 дополняет ст. 48 Судебника 1497 г. указанием на обязанность уплатить судные и полевые пошлины при судебном поединке между послухом и противной стороной.

Статья 17

В ст. 17 объединяются ст. 49 и часть первая ст. 52 Судебника 1497 года, в которых сторонам и послухам при определенных условиях разрешается выставять наемного бойца вместо себя для участия в судебном поединке. Однако замена послуха наймитом допускалась лишь в том случае, когда послух *будет увечен безхитростно*. Можно предположить, что данное нововведение было ответом на незаконные действия сторон, пытавшихся обеспечить свои интересы за счет противопоставления послуху более сильного в физическом отношении наймита. Это служит еще одним убедительным примером вырождения института *суда божьего*, поскольку бой перед лицом суда, призванный удостоверить правоту спорящих, ведется наемными руками, т. е. полностью утрачивается религиозно-нравственная подоплека *поля* — *за правым сила*.⁵³⁶

Статья 18

В ст. 18, повторяющей ст. 50 Судебника 1497 года об ответственности свидетеля за неявку в суд, упоминается наряду с *праведчиком* (см. комментарий к ст. 50 Судебника 1497 го-Дэ) — *недельчик* как представитель органов центрального управления.

Статья 19

В ст. 19, аналогично ст. 52 Судебника 1497 года, допускается возможность замены сторон наймитами и определяется порядок их участия в *поле*.

Статья 20

Здесь и в последующих статьях впервые в русском законодательстве разрабатывается вопрос о солидарной и долевой ответственности.

В статье предусматривается случай, когда истец указывает в исковом заявлении 10 или 15 ответчиков, а на суд являются 3—4. Прибывшим предоставляется право отвечать только за себя в своей доле или в долях тех ответчиков, которых они укажут. За остальными ответчиками, доли которых явившиеся на себя не берут, посылают пристава с срочной грамотой. Если они не являлись в суд, то истцу выдавалась на их долю бессудная грамота⁵³⁷. По примечанию В. Н. Татищева, истец, получивший такую грамоту на ответчика, «имеет власть везде онаго поймать и пред суд представить для правежа или наказания. В иных писали вольно его бить и грабить, только самого не убить и дом не разорить»⁵³⁸.

Статья 21

Срочную грамоту достаточно вручить одному из соответчиков, который обязан сообщить о ней другим. Если он этого не сделал, и на соответчиков была выдана бессудная грамота, то они имели право иска на своего товарища, не предъявившего им срочной грамоты.

Статья 22

В отличие от предыдущих, предусматривавших возможность выбора ответчиками долевого или солидарной ответственности, в ст. 22 устанавливается солидарная ответственность наместников и волостелей за действия их людей — тиунов, праветчиков, доводчиков. Наместники или волостели должны отвечать за тех или иных подчиненных в полном размере предъявленных исковых требований. Эта норма имела своей целью ограничение произвола кормленщиков, была начальным этапом по пути упразднения наместничьего управления.

Статья 23

В ст. 23 устанавливается долевая ответственность по искам к должностным лицам наместничьего управления и местным жителям. Если наместники или волостели *за тех городцких людей или за волостных отвечать не похотят*, то их судят лишь в их *вытях* (долях). *Выти* городских и волостных людей выделяются в отдельный иск, рассматриваемый как новое судебное дело.

Статья 24

В ст. 24 развиваются нормы, связанные с упорядочением системы кормлений. Беря свое начало от ст. 13 Двинской уставной грамоты и ст. 45 Судебника 1497 года, статья устанавливает ответственность наместников за *обидные дела*, т. е. разного рода насилия или несправедливости по отношению к иногородцам. *Иногородцы* (в отличие от *чужеземцев* — иностранцев) — жители других, иных городов Русского государства, не подсудных суду данного наместника. В большинстве случаев это купцы, ездившие с товарами из города в город. В обеспечение их интересов им давался льготный срок для вызова наместника в суд. Если подчиненные наместнику лица могли вчинять иск только после съезда наместника с жалования, то иногородцам предоставлялось право обжаловать действия кормленщиков в течение всего времени несения последними своих обязанностей. Обжалование действий наместника на общих основаниях должно было производиться иногородцами не позднее, чем в течение годичного срока с момента окончания срока обязанностей кормленщика.

Статья 25

В ст. 25 впервые в русском законодательстве содержится стремление разграничить два состава преступления: грабеж как открытое похищение вещи и разбой как хищение, связанное с насилием. При этом побои не теряют своего оскорбительного характера, почему за них и полагается *бесчестие*. Дела о грабеже возбуждались в порядке обвинительного процесса⁵³⁹. Исход дела предreshало добровольное признание обвиняемого. Он мог признать обвинение целиком или частично. В непризнанной части прибегали к свидетельским показаниям. Что касается наказания, то, как справедливо отмечал М. Ф. Владимирский-Буданов, “закон еще не выработал твердых начал вменения, и оценку преступности деяния каждый раз предоставляет высшей власти”⁵⁴⁰. Наказание определялось государем, *посмотри по человеку*, т. е. в зависимости от социальной принадлежности обвиняемого.

Статья 26

В ст. 26, развивающей ст. 2 Двинской уставной грамоты, дифференцируется ответственность за нанесение бесчестия в зависимости от сословие-классовой принадлежности лица. Штраф за бесчестие колеблется от рубля до пятидесяти. Сумма штрафа за бесчестие представителей господствующего класса феодалов зависела от занимаемого ими служебного положения и получаемого вознаграждения. Последнее могло состоять из корма, норма которого определялась в уставных грамотах для каждого уезда, или денежного жалования, получаемого за управление тем или иным городом и постепенно заменявшего корм⁵⁴¹.

Особо выделялись *дьяки полатные и дворцовые*, сумму за бесчестие которых определял сам царь и великий князь. Полатные Дьяки, по мнению В. О. Ключевского, это думные дьяки. П. А. Садиков, исходя из того, что *палатами* или *избами* именовались в XVI в. центральные правительственные учреждения — будущие приказы, и считая неправомерным пропуск перечня всех других приказных дьяков, кроме думных, выдвинул иное, принятое советской историографией толкование, что это приказные и дворцовые (из приказа Большого дворца и др.) дьяки⁵⁴². Во всяком случае это были представители высшей служилой бюрократии в отличие от местной администрации — детей боярских, тиунов, доводчиков, праведчиков, представителей служилого холопства. Высшим представителем боярской челяди, происходившим из холопов, являлся *боярский человек добрый*. Если сумма бесчестия тиунов, доводчиков и праведчиков определялась их доходом, то бесчестие боярского *доброго* человека рассматривалось как бесчестие средних жителей посада и равнялось 5 рублям.

Боярский человек молотчий приравнивался к *черному го-родцкому* и крестьянину пашенному и непашенному, т. е. черносошному, занимавшемуся земледелием, промыслом или торговлей. Сумма за их бесчестие определялась в один рубль. Таким образом, высшая категория холопов относилась к холопству лишь формально, а на деле она была значительно ближе к господствующему классу. Определяя право чести, как сугубо личное, М. Ф. Владимирский-Буданов полагал, что “государство иначе и не может оценить ее, как справившись, во сколько оно само оценивает службу себе этого человека и как высоко положение его в обществе”⁵⁴³. Так, горожане хотя и были одной из активных сил, содействовавших политическому сплочению великорусской народности, но находились вне феодальной иерархии и упоминались вслед за боярами и княжескими слугами⁵⁴⁴. Однако особое значение городской верхушки для развития товарно-денежного производства обусловило выплату *гостям большим* самого высокого штрафа — 50 рублей, а торговым и посадским людям, т. е. купцам и торгово-ремесленному населению, — 5 рублей. То, что гость в 50, а средний посадский человек в 5 раз “честнее” *лучшего крестьянина* свидетельствует, по мнению П. П. Смирнова, о том, что “закон... подымал горь-жан в особый “честный” чин и ставил его наряду и даже выше дворян и детей боярских городовых, получавших бесчестие по своим небольшим окладам, т. е. 3, 4, 5 рублей”. Сопоставляя ст. 26 со ст. ст. 43 и 91, П. П. Смирнов делает вывод, что “избранная рада вернулась к политике выделения горожан в особый чин и освобождения их от удельного многовластия”⁵⁴⁵. Не исключено, как считает С. О. Шмидт, что льготы верхушке посада, зафиксированные ст. ст. 26, 43 и 91, были вырваны Московским восстанием 1547 года, и предоставлением их правительство пыталось привлечь верхушку посада на свою сторону⁵⁴⁶. Во всех случаях штраф за бесчестие жены уплачивался вдвое против бесчестия ее мужа. Оскорбление действием могло дойти до причинения увечья. Закон определяет ответственность и за него, хотя и в наиболее общей форме.

Статья 27

Статья 27 дополняет ст. 58 Судебника 1497 года указанием на порядок разрешения споров между иноземцами и русскими. Основываясь на международных соглашениях русских княжеств с другими государствами, исключаящих применение *поля*⁵⁴⁷, статья предоставила

обеим сторонам право присяги. Если в исках между чужеземцами право принять или предложить присягу принадлежало ответчику, то в исках между иноземцами и русскими право принесения присяги решалось жребием. Если вынет жребий истец, то, присягнув, *поцеловав, свое возмет*, если ответчик, то *отцелуется* (то есть присягой ответит от себя обвинение). Решение торговых споров при помощи жребия, создававшего благоприятные условия для иноземцев, содействовало развитию торговых отношений, укреплению международных связей.

Статья 28

В данной статье, сходной со ст. 7, определяющей порядок учинения управы судьями центрального ведомства, детально разрабатывается система делопроизводства во всех инстанциях. В случае приостановления дела до представления дополнительных доказательств дьяки должны записанные ими речи истца и ответчика держать у себя. При поручении подьячим переписать дело начисто, дьяк обязан, проверив правильность переписанного, приложить к нему свою руку. Во избежание изъятий или перестановок отдельных листов дела из столбца по *сставам* ставились дьяками подписи так, чтобы каждая оказывалась на двух соседних листах. Подписанные таким образом, и заверенные печатью дела хранились у дьяка. Во избежание подлога подьячим запрещалось держать дела у себя и выдавать их сторонам без соответствующего оформления. В противном случае, истец без возобновления процесса получает просимое за счет не уследившего за подьячим дьяка. Подьячий же несет уголовную ответственность как за должностное преступление. При этом наказание подьячего разнится в зависимости от того, выдан ли этот документ в приказе, или *за городом или на подворье*, т. е. по пути домой или дома. Дважды повторенная в статье фраза *а вымут у подьячего список или дело*, дает основание полагать, что кто-то заинтересован в выимке, выхватывании, вытаскивании списка или дела и стремится осуществить это с помощью подкупа, посула или угроз и даже силы. Вынесение списка или дела из приказа для передачи его стороне подтверждает злую волю передававшего, его сговор со стороной, либо свидетельствует о нарушении им порядка хранения документов, запрещающего вынос их из приказа. Отсюда новая дополнительная для русского законодательства мера наказания — увольнение с должности с запрещением занимать такую должность и в дальнейшем. Аналогичное наказание предусматривается ст. 32 в отношении злоупотребляющего своим положением недельщика.

Статья 29

В ст. 29 впервые в русском судопроизводстве определен порядок оформления протокола судебного заседания. Его составлял дьяк. Судный список писался дьяком начерно⁵⁴⁸. При переписывании протокола набело воспрещается присутствие заинтересованной стороны. Вместе с тем в случае возникновения неясности и необходимости уточнения данных записи бояре имеют право *вспросити* ту или иную сторону, не разрешая ей, однако, ни исправлять, ни даже знакомиться с текстом. Окончательно составленный протокол читался только судьей. Не разделяя возмущения В. Н. Татищева “сему стропотному (бессмысленному, противоречащему прежнему) закона сочинению, что суд записывать без судящихся”, М. Ф. Владимирский-Буданов справедливо отмечает, что “стороны не должны стоять у записи потому, что иначе возможно со стороны каждой из них незаконное влияние на правильность записи”, и возобновление судебного разбирательства с последующим опорочением дела. Судебник же стремился к установлению стабильности и укреплению авторитета судебного решения⁵⁴⁹.

Статья 30

В ст. 30 определяются условия и порядок сместного суда, отличные от прежних, когда дело рассматривалось двумя судьями с той и другой стороны, например, представителями государственной власти и вотчинниками, обладавшими феодальными привилегиями. Судебник 1550 года по существу разрешает этот вопрос по-другому, поскольку теперь дело ведет один судья — тот, которому подсуден ответчик. Общий суд в чистом виде сохранился только в судах между духовными и светскими людьми (ст. 91) и в судах между лицами разных уделов (ст. 100)⁵⁵⁰. Сместной суд происходил лишь в том случае, если тяжущиеся хотя и принадлежали к различным ведомствам, но были жителями одной и той же области (княжества). В противном случае иск вчинялся уже в Москве, в одном из приказов⁵⁵¹.

Основываясь на уставных грамотах XVI в., где было записано, что истцы за собою *емлют своего стороже*, Судебник определил порядок сместного суда, действовавший уже как общерусская норма⁵⁵². Истец берет у своего судьи сторожа и идет просить пристава к судье ответчика. *Сторож*, по мнению В. Н. Татищева, необходим для того, “чтоб в обоих судах было известно, что челобитчик не без ведома своего суда в челобитье вступил”⁵⁵³. Сторож следит за исправным получением пошлин, следуемых судье истца, так как *пошлины обеим судьям имати одне и делити их по половинам*.

Статья 31

В ст. 31, дополняющей ст. 53 Судебника 1497 года, предусматривается случай примирения сторон на той стадии, когда до пристава они еще не дошли, но жалобы судье уже поданы. В этом случае стороны освобождаются от уплаты пошлины⁵⁵⁴.

Статья 32

В ст. 32, продолжающей ст. 33 Судебника 1497 года и ст. 3 Судебника 1550 года, вводится санкция за вымогательство взятки недельщиком. Даже в том случае, если недельщик брал взятку не себе, а для судей, круг которых в статье пополняется указанием на дворецкого и казначея, недельщик подлежал торговой казни, обязывался вернуть сумму взятки в тройном размере и отстранялся от должности. Судьи, получившие взятку через посредничество недельщика, никакой ответственности не несли, что было закономерно для права-привилегии.

Статьи 33—34

Данные статьи имеют в своей основе текст ст. ст. 15—16 Судебника 1497 года и дополняют их указанием на ответственность за лихоимство. После перечисления размера пошлин за выдачу грамот должностными лицами следует новый текст: *А больше того не имати*. Так же, как в ст. ст. 8—11 Судебника 1550 года, регламентирующих судебные пошлины в центральном суде, взятый *лишек* подлежал возмещению в тройном размере, а ложное обвинение должностных лиц в превышении взимаемых пошлин (*лихоимстве*) влекло наказание кнутом и тюремное заключение.

Статья 35

Статья 35 повторяет ст. 17 Судебника 1497 года.

Статья 36

В ст. 36, уточняющей, по сравнению со ст. ст. 32, 38, 73 Псковской Судной грамоты, порядок договора денежного займа, вводятся гарантии для добросовестных должников.

Учитывая, что в условиях развитого товарного производства особенно нуждалось в деньгах дворянство, не обладавшее достаточно мощным хозяйством, и городское население, вынужденное приобретать сырье и материалы для ремесленного производства, Судебник требует, чтобы уплата по долговым обязательствам проводилась при обязательном участии высших должностных лиц, во-первых, и могла быть совершена в рассрочку, во-вторых. Независимо от количества отсрочек (*колке отпись ни буди*), пошлины за подпись и печать, удостоверявшие факт выплаты долга, брались в одинарном размере. В обязанности судебных органов входило не только оформление подписей, но и хранение вносимого по частям долга. Так, в судной грамоте князя Владимира Андреевича Старицкого крестьянам замосковной Вохонской волости 1561 года о взыскании долга по суду, для чего дается льготный срок в 6 недель, читаем: *...а которой ответчиков... выборным судьям в исцов иск в уплату что принесет хлеба и денег, и выборным судьям денги и хлеб тех людей имати в истинну без росту, а хлеб без наспу, да тот хлеб и денги держати им у себя, доколе которой ответчик выплатит сполна... а как которой ответчик исцев иск выплатит сполна... правые грамоты тогда у ис-у,ев имати назад, а платеж на правых грамотах велети подписывати*⁵⁵⁵.

Статьи 37—40

Данные статьи соответствуют ст. ст. 21—24 Судебника 1497 года. При этом ст. 37 дополняется по сравнению со ст. 21 указанием на взимание пошлины в пользу тех, кол“у *государь укажет* (к числу их, по мнению В. Н. Татищева, относились высокопоставленные чины — *оружейничий* и *кравчий*⁵⁵⁶), а также в пользу царских должностных лиц — дьяка и подьячего.

Статьи 41—42

В этих статьях на основе ст. ст. 26—27 Судебника 1497 года содержится ряд нововведений, направленных на защиту интересов служилого дворянства как опоры великокняжеской власти и пресечение разного рода должностных преступлений. Статья 41, устанавливая порядок взимания пошлин за выдачу и отсрочку срочной грамоты, распространяет его на все категории населения, *опричь служилых людей*. Служилым людям предоставлялось право беспошлинно переписывать сроки явки в суд, сообразуясь со временем призыва на службу. Подтверждая роль дьяков как представителей центрального суда, статья устанавливает их ответственность за нарушение порядка хранения и выдачи срочных грамот. Если дьяк, обязанный держать такие грамоты у себя и выдавать их сторонам только после личной проверки сроков за своей подписью и печатью, перепоручает это подьячему, и тот выдает грамоту до срока (возможно за посул), то всю сумму причиненного ущерба возмещает дьяк. Эта норма аналогична нормам ст. ст. 4 и 28 данного Судебника. Новым в ст. 41 является введение впервые в русском законодательстве права регрессного иска (дьяка к подьячему)⁵⁵⁷. Именно как возможность взыскания с подьячего выплаченной дьяком суммы и следует понимать конец статьи: *а дьяк с своим подьячим сам ся ведает*.

В ст. 42 уточняется, что семидневный срок для явки по вызову суда действует в пределах 100 верст, а *дале того по тому ж расчету*. По истечении указанного срока сторона могла требовать выдачи бессудной грамоты. Статья дополняется также указанием на ответственность должностных лиц за лихоимство и наказания сторон в случае клеветы.

Статья 43

В данной статье устанавливается равенство пошлин, взимаемых печатником и дьяком за выдачу, подписание и удостоверение разного рода государственных грамот: *лготную* — освобождающую от уплаты податей, оброка или *иных трудов* на определенный срок;

уставную — определяющую устройство и порядок деятельности и привилегии органов местного управления; *полетнюю с красною печатью*, предоставлявших должнику рассрочку платежа долга без уплаты процентов (ст. 90). “Красная печать, обыкновенно на снурке висящая и с обе стороны запечатанная”⁵⁵⁸, в отличие от черной печати удостоверяла, что снабженный ею законодательный акт, хотя бы и в отношении отдельных местностей и привилегий, исходит от верховной власти (царя и великого князя всея Руси)⁵⁵⁹. Но основное содержание статьи заключается в последней фразе, имеющей особый социально-политический смысл и привлекающей до сего времени внимание исследователей. Это запрещение выдачи *тарханных грамот* и предписание *поймали у всех*, т. е. взять обратно выданные ранее. По вопросу о содержании *тарханных грамот*, отличии их от других, сущности тарханов, затронутых Судебником, проведении их в жизнь нет единого мнения. Бесспорным, однако, является лишь то, что *тарханные грамоты* давали большие по сравнению с другими грамотами права. Их владельцы — феодалы не только имели право суда над зависимым от них населением, но и освобождались от части или всех главных государственных налогов. Провозглашенная ст. 43 отмена тарханов шла медленно и лишь в 1617 году особому сыскному приказу было поручено произвести общий пересмотр жалованных грамот, *и с тех пор со всех тарханищиков таможенная и всякия пошлыны имати по прежнему и те все наши цареви и прежних государей жалованные тарханные грамоты у всех тарханищиков взяти в нашу казну*⁵⁶⁰. И независимо от того, была ли направлена эта статья против *тарханных грамот* светских (мнение И. И. Смирнова), либо духовных (мнение С. М. Каштанова, Б. А. Романова) феодалов, применялась или нет на практике, она выражала стремление русского законодательства к ограничению феодального иммунитета и централизации государственной власти.

Статья 44

В ст. 44 развивается положение ст. 28 Судебника 1497 года о запрещении нарушать порядок получения *езда* и выдачи приставных грамот без подписи недельщика, если *иск мениши... езд*у, или в одной приставной оказывалось больше двадцати дел. Для уточнения суммы иска, если он выражался в вещах, последние подлежали оценке. За нарушение предписанных законом правил устанавливались санкции. При этом, в полном соответствии с феодальным правом-привилегией, злоупотребление служебным положением со стороны нижестоящего чина (недельщика) влекло тюремное заключение, срок которого определялся государем. Если же нарушителем правил выдачи приставных был дьяк, то он возмещал стороне понесенный Ущерб, а наказание зависело от воли государя.

Статья 45

Здесь, как справедливо отмечает А. Г. Поляк, дается более обобщенное по сравнению со ст. 29 Судебника 1497 года понятие места действия недельщиков. Замена слов на *Москве* словами в *городе* означает, что недельщики посылались не только из Москвы, но и из других городов⁵⁶¹.

Статья 46

Статья представляет собой несколько видоизмененный по сравнению со ст. 30 Судебника 1497 года “Устав о езде”. Помимо указания о необходимости оплаты всех расходов “московскими” деньгами, статья в подтверждение предыдущей дополняется указанием на то, что оплата недельщиков, посылаемых из других городов, производится по толу *ж расчету*.

Статья 47

Если Судебник 1497 года в ст. 31 еще допускал выполнение должностных функций неделычика с помощью членов его семьи и холопов, то Судебник 1550 года, запрещая это, регламентирует состав, функции и компетенцию аппарата неделычика. Свои обязанности неделычик выполнял с помощью *ездок* и *заговорщиков*. *Ездоки* нанимались неделычиками для вызова в суд ответчиков и свидетелей из других городов. *Заговорщики*, т. е. лица, вступавшие с неделычиком в *заговор* с целью совместного несения его служебных обязанностей и получения соответствующего вознаграждения, составляли товарищество. И те и другие подлежали обязательной регистрации в особых книгах. Книги находились у кормленых дьяков, в руках которых сосредоточивался контроль над исполнительной судебной властью⁵⁶². Статья устанавливает ответственность неделычиков за неправомерные действия *ездок*. Неделычик возмещает иск, а ездок подвергается торговой казни. Торговой казни с возмещением всех истцовых убытков подлежал ездок, не записанный в книгах у кормленых дьяков. Продажа или обида, учиненная заговорщиком, возмещалась всем *заговором* и влекла за собой тюремное заключение виновного. Таким образом, Судебник разграничивает гражданскую и уголовную ответственность. Обязательное наличие у неделычиков *заговорщиков* обуславливалось, вероятно, не только желанием покончить с произволом и вымогательством должностных лиц. Круговая порука заговорщиков, отвечающих за неправильные действия одного из них своим имуществом, являлась своеобразным поручительством за действия неделычиков⁵⁶³, служила своеобразным усиленным гарантом возмещения нанесенного ущерба. Вот почему статья гласила: *А без заговорщиков неделыци-ком недел не делати*. Обязанности *ездок* ограничиваются сроком кормления неделычика. С окончанием срока, когда неделычик мз недель *выйдет*, поступление ездока к другому неделычику карается торговой казнью и уплатой без суда (совместно с неделычиком) всех убытков истцов. Данная норма отражает характерные черты системы кормления, когда аппарат кормленческого управления рассматривается как неотъемлемая часть двора самого кормленщика. Смена кормленщика влекла за собой смену всех зависимых от него лиц, хотя и бывших его свободными служащими.

Статья 48

Статья 48 (где использованы великокняжеские жалованные грамоты кормленщикам первой половины XVI в.) дополняет ст. 37 Судебника 1497 года санкцией неделычику или ездоку за вызов в Москву лиц, подсудных суду наместника или волостеля, в обход этих кормленщиков. Неделычик или ездок, нарушившие компетенцию наместничьего суда, лишались езды и уплачивали *хоженое* местному доводчику, которое последний должен был получить при предъявлении ему неделычиком приставной грамоты.

Статьи 49—50

Сохраняя положения ст. ст. 32 и 36 Судебника 1497 года о соблюдении срока со стороны неделычика и пристава и о взыскании с виноватого всех убытков, причиненных отсрочкой судебного разбирательства, статьи определяют порядок исчисления этих убытков.

Статья 51

В ст. 51, повторяющей ст. 64 Судебника 1497 года, исключены слова *а с списка судного и с холопа и с земли пересуда нет*. Это дает возможность предположить, что с увеличением количества дел, связанных с решением поземельных споров и изменением правового положения холопов, возникла необходимость в институте обжалования по этой категории дел, самым тесным образом связанных с защитой интересов господствующего класса.

Статья 52

В ст. 52 прежде всего определяется форма процесса, по которому должен быть судим обвиняемый. При первой краже с поличным обыск предваряет пытку. Если обвиняемого назовут *лихим человеком*, следует его *пытати*, т. е. рассматривать дело розыском. Если скажут, что он добрый, надо дело *врышити по суду*, т. е. обвинительным процессом. Для определения наказания за первую кражу с поличным одного *облихования*, как было в ст. 13 Судебника 1497 года, недостаточно, и поскольку по правилам розыского процесса требовалось наличие двух-трех доказательств, *облихованный* подлежал пытке. Собственное признание, совпадающее с данными повального обыска, становилось безусловным доказательством виновности, и обвиняемый подлежал смертной казни. Если пытаемый не признавался (не *скажет на себя сам*), он подвергался пожизненному тюремному заключению с обязательным возмещением иска. Это, по тогдашним представлениям, пишет М. Ф. Владимирский-Буданов, удовлетворяло и общество (для которого *облихованный* более не существует) и правосудие, “которое не применило к нему тогдашней единственной Кары чисто уголовного характера — смертной казни”⁵⁶⁴.

Статья 53

В статье вменяется в обязанность недельщика поимкане только татей, но и разбойников, дела которых рассматривались розыским процессом. За отпуск (в результате получения взятки) задержанных, находящихся под следствием, недельщик возмещал истцу причиненный ущерб, подвергался торговой казни и предварительному тюремному заключению до определения наказания государем.

Статья 54

В ст. 54 устанавливается повышенная санкция за незаконную выдачу на поруки (без обращения в вышестоящую инстанцию) или продажу татя без боярского и дьячего ведома в холопы. В этом случае недельщик возмещал двойную сумму иска и нес уголовное наказание, предусмотренное ст. 58. Подобная мера, как предполагает А. Г. Поляк, может быть объяснена “лишь тем, что самовольный отпуск преступника под поручительство весьма часто встречался в судебной практике и требовал особо суровой регламентации”⁵⁶⁵.

Статья 55

В ст. 55, основанной на ст. 10 Судебника 1497 года, подтверждается рассмотрение дел по обвинению в первой краже состязательным процессом. Однако и в этом случае законодатель вводит меры, направленные на предупреждение новых преступлений и первоочередное обеспечение интересов государства перед интересами потерпевшего. Так, наряду с торговой казнью и взысканием *истцева иска* с виновного, в статье предусматривается выдача его на *крепкую поруку*, т. е. под авторитетное поручительство. При отсутствии такового следует тюремное заключение до тех пор, пока не найдутся поручители. При отсутствии у обвиняемого сгагкй для уплаты *истцева иска*, законодатель, вместо отдачи обвиняемого истцу головою на *продажу*, т. е. в холопство до уплаты или отработки нанесенных убытков, вводит новую форму обеспечения — выдачу *головою на правез до искупа*. Как описывает В. Н. Татищев, “обвиненных к платежу выводили перед приказ разутых перед тем, как судьям надлежит в приказ приезжать, а спускали с правеза, как судья выедет. У каждого обвиненного стоял по сторону пристав с прутом, и бил вдоль по ноге так крепко, как ему от истца, или ответчика, за труд заплачено; следственно одни на правезе стоя, бою не чувствовали, другие были изувечены”⁵⁶⁶. *Правез* длился различное время в зависимости от взыскиваемой суммы. Обычно за 100 рублей долга ответчик подвергался *правезу* в течение одного месяца. *Правезу* подвергался либо сам ответчик, либо поручитель за него. От *правеза* освобождались землевладельцы-феодалы. Им предоставлялось право послать на

правеж своего человека — крестьянина или холопа, который и *отстаивался* за своего владельца. При неисполнении судебного решения, даже после *правежа*, ответчик отдавался истцу *головою... до искупа*. В результате неимущие даже при решении в их пользу фактически лишались возможности добиться исполнения судебного решения. Истец обязывался по получении иска представить виновного судьям. Без такого обязательства виновный истцу не выдавался и должен был ждать удовлетворения своего иска до взятия обвиняемого на поруки каким-нибудь третьим лицом. После удовлетворения материального интереса потерпевшего вопрос об отпуске на свободу лица, совершившего хотя бы одну кражу, решался уже не истцом, а судом. В отличие от Судебника 1497 года в ст. 55 формулируется положение о необходимости поручителей в качестве обязательного условия для оставления такого лица на свободе. «Подобное поручительство, по мнению А. Г. Поляка, требовалось на случай обнаружения неизвестных ранее преступлений данного обвиняемого»⁵⁶⁷ и способствовало предупреждению новых преступлений.

Статья 56

По сравнению со ст. 11 Судебника 1497 года в ст. 56 закрепляется новый порядок расследования повторных краж. Обязательное применение пытки, смертная казнь в случае собственного признания, пожизненное заключение *об лихо ванного*, который *на себя не скажет*, и необходимость крепкой поруки для признанного в обыске *добрым человеком*, означали введение розыскной формы процесса.

Статья 57

В ст. 57, аналогичной ст. 14 Судебника 1497 года об оговоре со стороны татя, содержится дополнение, указывающее на необходимость производства обыска (вместо прежнего *опытати*), применения в случае *облихования* пытки и получения собственного признания как безусловного вида доказательств. Таким образом, Судебник 1550 года уже четко определяет, что расследование наиболее опасных для феодальной собственности дел идет розыскным процессом. Устанавливая наказание за кражи и порядок их расследования, ст. ст. 52—57 вводят ряд дополнительных мер, усиливающих охрану феодальной собственности и интересов государства в целом. К ним относятся институт поручительства, как необходимое условие оставления оправданного на свободе, применение пытки и собственное признание, тесно связанное с развитием розыскного процесса. Обращает на себя внимание, что эти институты значительно Усилились. Так, Судебник 1550 года подчеркивает необходимость не просто поруки, а *крепкой* поруки, т. е. авторитетного поручительства, какое могли дать лица, обладающие прочным положением в обществе. Если раньше пытка и выдача на поруки до производства обыска применялись лишь при оговоре человека татем (ст. ст. 11—14 Судебника 1497 года), то по Судебнику 1550 года пытка после проведения по данному делу повального обыска применялась, по мнению А. Г. Поляка, по всем *татебным* делам⁵⁶⁸. Пожалуй, правильнее будет сказать, что пытка была обязательна при обвинении в квалифицированной краже. В этом случае она являлась одним из основных способов выяснения обстоятельств дела.

Статья 58

В ст. 58 повторяется ст. 12 Судебника 1497 года об оговоре в воровстве со стороны добрых людей, являвшемся абсолютным доказательством для взимания с оговоренного *исцовой гибели без суда*, уточняется состав *добрых людей* и усиливается ответственность оговоренного. Прежде всего увеличивалось количество *добрых людей*, привлекаемых к *облихованию*. Вместо 5—6 требовалось уже от 10 до 20 человек. Кроме того, проводилась резкая дифференциация между показаниями детей боярских и черных людей. В полном

соответствии с феодальным правом-привилегией показания 10—15 детей боярских приравнивались к показаниям 15—20 добрых крестьян. Это фактически сосредоточивало решение вопроса об обвинении подозреваемого в руках дворянства.

В этой же статье впервые появляется термин *мошенничество*, который И. Я. Фойницкий трактует как карманную кражу (от слова *мошна* — кошелек)⁵⁶⁹. Однако большинство исследователей, основываясь на толковании М. Ф. Владимирского-Буданова, признает, что именно ст. 58 Судебника 1550 года впервые проводит различие между воровством и мошенничеством. Действительно в этой же статье наряду с мошенником упоминается *оманишик* — обманщик, который при доказательстве его вины подлежит торговой казни.

Статьи 59—61

Имея в основе ст. ст. 8, 9, 39 Судебника 1497 года, комментируемые статьи уточняют и дополняют существовавшие нормы.

В ст. 59 выделяется новый вид должностного преступления — *подписка*. Так, в 1547 году разбиралась тяжба Шереметьева с князьями Токмаковым и Ноздреватым о подделке документов на половину села Гравороново. Бывший в комнате Ноздреватого Власко сказался человеком убогим, который своего двора не имеет, а кормится пером. Он был пытан и показал, что уже обвинялся в подписке⁵⁷⁰. Кроме того, статья, предусматривавшая возмещение *прогонов*, т. е. приказных убытков и расходов лишь при наличии истцова *статка*, и предписывавшая не *имати ничего* из имущества казенного в пользу боярина, дьяка и недельщика, свидетельствует, по мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, о том, “что центральные суды гораздо ранее, чем провинциальные, потеряли все свойства кормления”⁵⁷¹.

В ст. 60, сохраняющей в соответствии со ст. 39 Судебника 1497 года смертную казнь *ведомому лихому человеку*, вводится новый, возникший уже после Судебника 1497 года, порядок рассмотрения этих дел. Из компетенции наместников в соответствии с Белозерской губной грамотой 1539 года изымаются и передаются в ведение губных старост дела о разбое⁵⁷², а в соответствии с губным наказом селам Кирилло-Белозерского монастыря от 27 сентября 1549 г., и татебные дела рассматриваются уже не судом наместников, а по *царевым великого князя губным грамотам, как в них написано*. Участие наместников в суде над татями ограничивается лишь получением с татей продажи, прибытка. Мера же наказания определяется губными старостами. В отличие от Судебника 1497 года меры наказания татей конкретизируются и усиливаются. Если за первую кражу, не подтвержденную доводом, *облихованный* тать, согласно статье 12 Судебника 1497 года, уплачивал истцу гибель без суда, то губной наказ предусматривает для него битье кнутом и изгнание *из земли вон*. Вторая кража влекла, помимо наказания кнутом и изгнания, отсечение руки, а третья — смертную казнь, чему предшествовало битье кнутом. Основываясь на принципе устрашения, чтоб *на то смотря другим не повадно было так делать*, губной наказ предписывал казенных *повесити в тех местах, где которого татя поймут с гатбою*⁵⁷³. Комментируя ст. 60, И. И. Смирнов отмечает, что Судебник 1550 года идет по тому же пути ограничения объема деятельности органов наместничьего управления, что и в вопросе о *докладе и боярском суде* (ст. ст. 71 и 68)⁵⁷⁴. “Вместе с тем Судебник 1550 г. столь же отчетливо проводит линию на укрепление и развитие новых органов в системе местного управления Русского государства. В этом смысле издание Судебника 1550г. можно рассматривать как важнейший этап в проведении губной реформы, поскольку Судебник своей ст. 60 превращает губные учреждения в органическую составную часть государственного аппарата в масштабе всего государства. Если при этом учесть, что губные старосты в своей деятельности находились под контролем Разбойного приказа, то усиление их веса в

управлении за счет ограничения наместников и волостелей означало дальнейшее укрепление централизованного государства, одним из органов которого и являлись губные учреждения»⁵⁷⁵. Солидаризируясь с этой оценкой, Б. А. Романов подчеркивает новшество ст. 60, состоявшее в том, что она запрещает судьям при отсутствии у казенного ответчика имущества искать своих доходов на истце⁵⁷⁶. Комментируя это положение, В. Н. Татищев указывает, что, хотя разрешение судьям *имать себе остатки татиных пожитков* способствовало более прилежному розыску во-ров, но на практике оно наносит «великой вред», потому что «сребролюбивый судия, забыв закон божий, для своей корысти невинного осудит»⁵⁷⁷.

Статья.61

В ст. 61, перечисляющей наиболее опасные преступления, вводится два новых состава — сдача города неприятелю и под-мет. Отождествление *градского здавца* с зажигалником и под-метчика с подымщиком, как предлагает Л. В. Черепнин⁵⁷⁸, представляется неоправданным. Нельзя согласиться и с А. Г. Поляком, что «само перечисление разрядов наиболее тяжких преступлений ничем не отличается от подобного перечисления в прежнем Судебнике»⁵⁷⁹.

Статьи 62—75

В статьях регламентируется порядок наместничьего суда как по уголовным, так и по гражданским делам. Они, по мнению Б. А. Романова, к которому присоединяется и Н. Е. Носов, образуют «как бы уложение по этому предмету, проникнутое единой тенденцией — организовать контроль над местным управлением в общегосударственном масштабе»⁵⁸⁰.

В ст. 62 значительно развивается и конкретизируется ст. 38 Судебника 1497 года. Упомянутые еще в ст. 12 Судебника 1497 года целовальники превращаются постепенно в должностных лиц, своего рода присяжных заседателей⁵⁸¹. В их задачу входит контроль за соблюдением тиунами и волостелями уставных грамот, обычаев и т. д. Первоначально право держать на суде целовальников давалось в качестве привилегии, потому что выбранные присяжные представляли для подсудимых большие гарантии, чем *лучшие* люди. Так, великий князь Василий Иванович, желая оградить Новгород от притеснений наместников и тиунов, позволил в 1533 году его жителям избрать со всех улиц 48 целовальников, из которых каждый месяц четверо судили с тиунами. Подобная же привилегия была дана в 1510 году Пскову. В обязанности целовальников входило «в суде сидети с наместники и тиуны, правды стеречи»⁵⁸².

Судебник уточняет степень участия в процессе судных людей и его порядок. Так, чтобы оградить местное население от возможных злоупотреблений со стороны наместников и их людей, вводится обязательное протоколирование. Протокол судебного заседания пишется земским дьяком, удостоверяется *лучшими людьми*, старостой и целовальниками и хранится у наместника — *спору для*. Копия этого протокола, переписанная дьяком слово в слово и скрепленная его печатью, дается *лучшим людям*. Судебник особо подчеркивает необходимость наличия копии судебного протокола у старосты и целовальников, которые *грамоте не умеют*, с тем, чтобы они могли удостоверить при докладе в вышестоящую инстанцию истинное положение вещей. Это составляло их главную обязанность. Не устанавливая количество судных мужей, статья, однако, определяет их категории. Это дворский, староста и целовальники. Если в той или иной местности *дворсково нет и преж сего не бывал*, то участие старост и целовальников обязательно. Они должны быть в целях лучшего обеспечения интересов тяжущихся не только из тех же местностей, что и тяжущиеся, но еще и от каждой стороны. Например, при исках волостных с городскими на

суде должны быть “двое сотских да городской человек”⁵⁸³. Судные мужи обязывались осуществлять судопроизводство в соответствии с волей законодателя. Данная 15 августа 1555 года уставная грамота переславским рыболовам, наряду с уголовной ответственностью выборных старост и целовальников за неправоудие, учиненное *их хитростью или небрежением*, предусматривает поощрение за соблюдение ими закрепленных законодательством норм. *А учнут те выборные судьи судити и управу меж крестьянства чинити прямо по нашему уложению, по Судебнику и по уставной грамоте, безволокипно и беспосулно... и мы с их вытей, что за ними паиши, пошлин и податей всяких имати не велим да сверх того пожалуем*⁵⁸⁴. Не ограничиваясь дополнением о порядке ответственности истца в случае поражения его на судебном поединке, что влекло потерю иска и выплату судебных и полевых пошлин, статья конкретизирует их размер. По сравнению со ст. 38 Судебника 1497 года, где размер пошлин определялся наместничьими грамотами и мог быть различным применительно к разным кормлениям, в ст. 62 вводится единый в общегосударственном масштабе размер наместничьих судебных пошлин⁵⁸⁵. Он определяется с рубля и только в отношении доводчика сохраняется взимание пошлин по уставной грамоте в отношении доводчика. В случае отсутствия грамоты размер пошлины в целях ее унификации и уменьшения составляет уже твердый размер за *хоженое, езд и правду*. Это способствовало упорядочению действий кормленщиков, ограничивало их произвол, содействовало единству судопроизводства.

Ст. 63 изменяет ст. ст. 18, 20, 40—42 Судебника 1497 года в сторону уменьшения количества дел, подсудных боярскому суду. За наместниками с боярским судом сохраняется лишь право выдачи полных и докладных грамот, т. е. грамот, которыми лицо по собственной воле отдает себя в вечное холопство. Но, пишет М. Ф. Владимирский-Буданов, где человек “обращается в рабство по требованию закона, там требуется крайняя осмотрительность”⁵⁸⁶. Поэтому-то выдача правых и беглых грамот может производиться только с докладом боярам в Москве, т. е. через вышестоящую инстанцию (см. комментарий к ст. 77). Как справедливо считают И. И. Смирнов, Б. А. Романов и А. Г. Поляк, ст. 63 отражает свойственную середине XVI в. тенденцию к уменьшению власти наместников за счет передачи наиболее важных дел в ведение центрального управления⁵⁸⁷.

Статья 64 — одна из центральных по своему значению, ибо в ней “выражена политическая линия Судебника 1550 г. в отношении дворянства, помещиков”⁵⁸⁸. Основой статьи было постановление, выработанное на совещании Ивана IV с боярами и освященное собором в феврале 1549 года. Оно заключалось в том, чтобы во *всех городах Московские земли наместником детей боярских не судити ни в чем опричь душегубства и татьбы и разбоя с поличным*⁵⁸⁹. Во всех других случаях дети боярские получали право непосредственного царского суда, т. е. приравнивались к боярству. Таким образом, наместники лишались судебных прав в отношении детей боярских и должны были судить их по *нынешним царевым государевым жаловальным вопчим грамотам*. Эта последняя фраза, особенно *вопчке грамоты*, стала предметом длительной дискуссии. Так, М. Ф. Влади-мирский-Буданов, трактуя термин *вопчие* как *сместные*, приходит к выводу о расширении наместничьего суда над детьми боярскими, что не согласуется с другими статьями Судебника⁵⁹⁰. С. Б. Веселовский относил к *вопчим* делам лишь те, которые дети боярские не могли решить полюбовно. Такие дела, по его мнению, становились обязательно подсудными наместникам, а дети боярские лишались права переносить их на суд царя и бояр в Москву⁵⁹¹. Возражая С. Б. Веселовскому и М. Ф. Владимирскому-Буданову, А. Е. Пресняков предложил толкование *вопчих* грамот как *общих* для служилых землевладельцев⁵⁹². Основываясь на этом толковании и подкрепляя его содержанием ст. 100, предоставлявшей право непосредственного царского суда в делах между детьми боярскими московскими и удельными, И. И. Смирнов приходит к выводу, что ст. 64 зафиксировала и законодательно закрепила итоги борьбы служилых людей против наместников и за расширение своих

привилегии⁵⁹³. Этот процесс завершился ликвидацией в 1555—1556 гг. наместничьего управления, когда дела дворян по наиболее опасным преступлениям передавались на суд царя и бояр в Москву⁵⁹⁴.

В ст. 65, повторяющей текст ст. 40 Судебника 1497 года, заменяется в последней фразе эпитет *отпущные* словом *полные*. По мнению Б. А. Романова, это более уместно, так как в отличие от Судебника 1497 года, который предусматривает разрыв зависимости холопа от господина, отпускавшего его на волю, Судебник 1550 года рассматривает обратный случай—оформление похолопления.⁵⁹⁵

Статья 66, определяя компетенцию кормленщика без боярского суда, в отличие от ст. 63, дополняет ст. 20 Судебника 1497 года словами *полных и докладных не давати*, а также вводит санкцию за нарушение установленного порядка. Помимо того, что решение, вынесенное некомпетентным судьей, не имеет юридической силы, судья (в данном случае наместник или волостель) возмещает понесенные господином холопа или рабы убытки в двойном размере, а дело передается на новое рассмотрение другого, вероятно, центрального суда.

Статья 67 дополняет ст. 41 Судебника 1497 года санкцией за выдачу тиуном правых грамот без доклада наместнику. При этом тиун, выдавший правую грамоту, по которой оправдан холоп, подвергается тюремному заключению и уплачивает убытки. Если же он выдаст правую грамоту, по которой оправдан холоповладелец, то не несет никакой ответственности, только решение его (как и в первом случае) теряет силу. Это — яркое отражение классовой сущности Судебника. Защищая интересы холоповладельца-феодала от возможного сокращения рабочих рук в его дворе. Судебник не доверяет тиунам, происходившим, как правило, из холопов, и ограничивает их действия по сравнению с наместником. Помимо этого, подчеркивает Б. А. Романов, “выделение в ст. 67 наместничьего тиуна в особую статью и обособление его уголовной ответственности от ответственности наместника по ст. 66 — существенная новость, подрывавшая старую кормленую природу наместника, хозяйничавшего на наместничестве с помощью своих “людей”, а не правившего там посредством подчиненных ему должностных лиц. Этот тиун отвечает теперь сам за себя перед центральной властью — через голову наместника”⁵⁹⁶. “А тиун, что сверх должности дерзнул, в том виновен пред государем и подлежит штрафу, а не исцу”, — пишет В. Н. Татищев⁵⁹⁷.

Статья 68 подчеркивает, по мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, что главное назначение наместничьего управления заключается в объединении мест с центром, а не во внутреннем управлении волостями. Последнее должно осуществляться выборной системой органов самоуправления — сотскими, старостами и целовальниками. На их имя присылались жалованные грамоты и всякие указы и Судебники. В их ведении находилось управление налогами и полицией⁵⁹⁸.

Институт участия представителей населения в суде наместников, зафиксированный еще в Двинской уставной грамоте 1397 года (ст. 1), законодательно закреплён в общерусском масштабе в постановлении Боярской Думы от 28 февраля 1549 года. Об этом свидетельствует заявление Ивана IV Стоглавому собору: *Да, устроил по всем землям моего государства старосты и целовальники и сотские, пятидесятьские по всем городам, и по пригородам и по волостелем и по погостом, и у детей боярских, и уставные грамоты пописал*. Независимо от того, были ли эти грамоты, аналогично *вопчим*, разосланы по всем волостем, как предполагает И. И. Смирнов⁵⁹⁹, или только *пописаны*, но не разосланы, как считает Б. А. Романов⁶⁰⁰, выраженная в них норма о необходимости повсеместного избрания представителей населения в наместничьем суде и была закреплена ст. 68 Судебника: *а в которых волостех наперед сего старост и целовальников не было, и ныне в тех волостех*

быти старостам и целовальником во всех. Последние были обязаны участвовать в суде наместника по искам, предъявляемым жителям их волостей. В случае принадлежности сторон к разным волостям на суде Должны были присутствовать старосты и целовальники из каждой волости, составляя иногда целую коллегию. Протоколы суда так же, как и по ст. 62, оформлялись земским дьяком. По мнению И. И. Смирнова, Б. А. Романова, Н. Е. Носова, эта статья аналогично ст. 64 имела своей целью не только осуществление контрольных функций над деятельностью наместников, но их постепенное упразднение⁶⁰¹.

Статья 69 предусматривает порядок утверждения приговора наместничьего суда. Судные списки присылались на доклад в вышестоящую инстанцию либо княжескими, чиновниками по *несколько за-раз*, либо земским судьей вместе с царской казною. Их рассмотрение, как считает Ф. М. Дмитриев, имеет в виду более разрешение судейского сомнения, нежели проверку суда⁶⁰². Проверка начинается только в случае, если вызванные к докладу *ищя* или ответчик список *оболжывит*, то есть оспорят. Статьей предусматривается три варианта проверки.

Если вызванные для дачи свидетельских показаний двор-ский, староста и целовальники подтвердят, *што суд таков был*, признают подлинными свои подписи под судным списком, который слово в слово сходится со списком, хранимым у судных мужей, то правильность вынесенного приговора считается доказанной. Если судные мужи признают подложность протокола — *суд был, да не таков*, то иск взыскивают с судьи, который сверх того подвергается наказанию. Если же показания грамотных судных мужей породнятся с показаниями неграмотных, то закон предписывает верить последним, резонно полагая, что они-то уж не в состоянии подделать копию судного списка.

Поскольку доклад требовал присутствия обеих сторон, неявившаяся сторона по истечении срока, указанного в поручной записи, проигрывала дело. Статья, с одной стороны, продолжает свойственную Судебнику тенденцию к усилению контроля над наместниками, а с другой — свидетельствует о возрастании роли письменных доказательств⁶⁰³.

Статья 70 — нововведение, также направленное на упорядочение наместничьего суда путем контроля со стороны выборного управления за действиями наместников и волостей при производстве ими арестов и дачи на поруки местных жителей. Статья признает незаконным арест и наложение оков на людей, нуждавшихся в поручительстве, без ведома выборных от дворянства властей — *приказчиков городовых*, выполнявших судебные обязанности и присутствовавших на суде наместника в качестве представителей посада, а также дворского, старосты и целовальников, т. е. представителей уездного дворянства⁶⁰⁴.

Если родственники арестованных предъявят выборным властям жалобу на незаконный арест, арестованный освобождается ими под поручительство родственников. Раскрывая характер поручительства, М. Ф. Владимирский-Буданов пишет: «Человек, которого заковывают, терпит унижение, которое отражается и на роде его, тем более, что при этом возникает предположение, что родичи не хотели помочь родственнику. Родичи могли не знать, что поручительство требуется. С другой стороны, они, не выручивши родственника в свое время, могли заявлять претензию после. Явка арестуемого земским чиновникам предупреждает их затруднения»⁶⁰⁵.

Подчиненные наместников и волостей, виновные в незаконном аресте, выплачивают арестованному бесчестье, *посмотри по человеку*, и возмещают в двойном размере нанесенный ущерб. Появление этой нормы, как справедливо отмечает Б. А. Романов, позволяет сделать заключение о распространенности (до Судебника 1550 года) таких арестов

как приема для всяческого вымогательства инаживы (не говоря уже о сведении любых личных счетов)⁶⁰⁶.

Статья 71, определяя порядок рассмотрения дел в отношении татей, душегубцев и всякого лихого человека, имеет сходство со ст. 43 Судебника 1497 года и ст. 60 Судебника 1550 года.

Прослеживая соотношение ст. ст. 60 и 71, И. И. Смирнов замечает между ними коллизию, заключающуюся в том, что ст. 60 обязывала наместников отдавать ведомых разбойников губным старостам, а ст. 71 предусматривала обычный процесс по тем же делам у наместников и волостелей. Б. А. Романов, полагая, что “у самого составителя Судебника 1550г. и мысли не было о каком-то противоречии между статьей 60 и 71”, отметил, что эта коллизия — результат комментирования различных аспектов. Статьи 52—61 являются фактически уложением о наказаниях по уголовным делам и решают вопрос о наказании для ведомых лихих людей и разграничении компетенции наместников и губных старост, а ст. 71 вошла в состав уложения о наместничьем суде и о контроле над ними центральных властей⁶⁰⁷. Именно этот аспект ст. 71 подчеркивает свидетельство Флетчера о том, что отпуск или казнь лихого человека без доклада государю предоставлялись в качестве исключения только губным старостам и наместникам отдаленных областей: Смоленской, Новгородской, Псковской и Казанской⁶⁰⁸. А. Г. Поляк в качестве еще одного варианта согласования норм ст. ст. 60 и 71, выдвигает предположение, что правила, устанавливавшие обязанность доклада наместников по лихим делам в Москве, относились в первую очередь к делам, где в качестве обвиняемых выступали представители служилого сословия. Справедливо замечая, что ст. 71 не выделяет детей боярских из среды лихих людей, А. А. Зимин считает вполне правомерным высказанное А. Г. Поляком положение, что поскольку губные грамоты говорят о боярах, *которым разбойные дела приказаны*, то доклад вносился в центральное ведомство, являвшееся прообразом будущего Разбойного приказа. Таким образом, становится ясной тенденция правительства сосредоточить все разбойные дела в едином центральном органе, предоставив ему всю полноту власти в этом вопросе. Отсюда вытекает, что в борьбе с разбоями и им подобными преступлениями применялся розыскной процесс, формы которого были едины как для губного, так и для наместничьего суда⁶⁰⁹. Статья 71 (аналогично ст. 43 Судебника 1497 года) имеет в виду не определение наказания, а ограничение наместничьего суда в отношении дел, наиболее затрагивающих интересы государства. В этом случае ст. 71 дополняется санкцией, предусматривающей оплату убытков в двойном размере и тюремное заключение до *царева государева указу* для кормленщиков, решивших своей властью, *без доклада*, вопрос о тате, душегубце и всяком лихом человеке. В ст. 71 опущено указание на кормление с боярским судом, что говорит о тенденции к ограничению наместничьего управления. Исключение же слов о запрещении кормленщикам выдавать отпускные грамоты, как считает Б. А. Романов, связано с тем, что вопрос о холопстве выделен составителем в другие статьи, в частности в ст. ст. 63 и 77⁶¹⁰.

Статья 72, являясь новой, определяет порядок суда наместников в отношении посадских, а волостелей—в отношении черных людей с подчинением тех и других контролю со стороны центрального суда. Статья формулирует также нормы гражданского процесса, связывая возможность удовлетворения иска при наличии у истца имущества, не меньшего по стоимости, чем сумма иска. Если же выяснится, что у истца нет имущества на ту сумму, которую он ищет⁶¹¹, то истец проигрывал дело, уплачивая судебные пошлины и мог быть обвинен в ябедничестве. Правомерность размеров исков посадских людей определялась по *их животом и по промыслу и по розмету*, т. е. в зависимости от ценности имущества, доходов и суммы уплачиваемой ими царской подати. При подтверждении того, что истец *взыщет не по своим животом и не по промыслу*, он потерял право на иск⁶¹². Эти данные о *животах и промыслах* содержались в окладных — *розметных* книгах. Составление их являлось обязанностью местной администрации. При этом одна копия *розмет-ной* книги,

переписанная земским дьяком искропленная руками городской администрации — старостой, сотским, десятским — подлежала ежегодной отсылке на Москву, в тот приказ, у *кого будут которые города*. В этом случае, отмечает И. И. Смирнов, статья переключаясь со ст. 7, уточняет порядок суда приказов по территориальной подсудности⁶¹³. Как справедливо замечает А. Г. Поляк, территориальная подсудность, лежавшая в основе первоначальной организации центральных ведомств, не осталась определяющей по мере уточнения их компетенции⁶¹⁴. Другая копия *розметной* книги отдавалась *тех городов старостам и целовальником, которые у наместников в суде сидят*. По мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, для судебных отправлений выбирались особые целовальники из тех старост, которые ведали полицейской и финансовой администрацией⁶¹⁵. Например, при городских приказах существовали “денежного сбору целовальники”⁶¹⁶. *Розметные* книги, позволявшие соизмерять сумму иска с *животом* ищущих, препятствовали как корыстным интересам кормленщиков, получавших пошлыны пропорционально сумме иска, так и злоупотреблениям посадских людей. Местные власти не спешили вводить такие книги, что и обусловило санкцию — в *том году на наместника суда не дати*, т. е. запрещалась подача челобитных на кормленщиков, что являлось серьезной угрозой и отражало, по мнению Н. Е. Носова, “обоюдовынужденный компромисс” судебных реформ в области управления и суда⁶¹⁷.

Для определения правомерности иска в волостях, где отсутствовали *розметные* книги, назначалась особая следственная комиссия из *лучших людей да целовальника одного или дву, посморя по делу*, для определения права истца на иск. Обыск, проникающий, по словам М. Ф. Владимирского-Буданова, и в гражданский процесс⁶¹⁸, является определяющим как для вчинения юка (в *том ему суд дати*), так и для обвинения истца в ябедничестве. Уличенные по *розметным* книгам посадские и по обысчному списку жители волостей брались на поруки и посылались в Москву для определения им уголовного наказания. В. Н. Татищев отмечал, что перенесение дела в центральный суд при наличии данных обыска, имеющих безусловную силу доказательств, направлено “к граблению посадских, что, обвиня тамо, еще к дьяку для покормки прислать”⁶¹⁹. Таким образом, предусмотренные статьей нормы направлены были не столько на предотвращение несправедливых жалоб на наместников, сколько на то, чтобы устранить от участия в судебном процессе наименее обеспеченных представителей феодального общества, особенно феодально-зависимые его категории. В основу привилегированного положения бралось не сословное начало, а наличие имущественного достатка, что свидетельствует о влиянии товарно-денежных отношений на развитие правовых норм⁶²⁰.

В ст. 73 (новой, непосредственно связанной со ст. 72) предусматриваются бытовавшие в гражданском обороте случаи несоразмерности иска с *жыдотом* ищущих, а именно предъявление иска на большую, чем имущество истца, сумму путем включения в нее чужого *лысвота*, якобы находившегося у истца и изъятого во время боя или грабежа. Дело решается с помощью обыска. Обыску подвергается как тот, у кого был *жывот чюжей*, так и тот, на которого истец укажет как на собственника. Выясняются не только принадлежность имущества, его количество у истца и факт грабежа, но и каким образом имущество попало к истцу. Последнее обстоятельство являлось решающим для определения правомерности требований истца или обвинения его в ябедничестве⁶²¹.

В ст. 74, уточняющей и развивающей ст. 65 Судебника 1497 года, устанавливается ответственность наместников за неправильное взимание пошлын. Обязанность брать пошлыну в одинарном размере двумя наместниками или двумя волостелями предусматривается не только в случае, если *суд у них не в разделе*, но и когда суд *вопчей*, или вернее, сместной, т. е. наместники судят лиц разной подсудности⁶²². Пошлыны, в полном объеме на каждое должностное лицо, взимаются с них в тройном размере.

В ст. 75, продолжающей и, как считает Л. В. Черепнин, воспроизводящей ст. 45 Судебника 1497 года, определяется общий порядок исчисления срока явки наместника в суд и вводится санкция за неявку. Подтверждая закрепленную еще Двинской уставной грамотой 1397 года и Белозерской уставной грамотой 1488 года ответственность наместника, волостеля или их тиунов по предъявляемым к ним искам, статья регламентирует порядок вызова и явки этих должностных лиц в вышестоящую инстанцию. Для обычных исков, вчиняемых частными лицами, срок явки указанных должностных лиц к суду исчисляется с того момента, как наместник или волостель съедет с жалованья. Это “подтверждение” “поисштатавшегося порядка” отражает, по мнению Н. Е. Носова, не только гарантии истцам в получении суда над злоупотребившими своим служебным положением кормленщиками, но и делает последним значительную уступку, хотя и вызванную не столько защитой их интересов, сколько стремлением правительства избежать дезорганизации местного управления. Нововведением в ст. 75, подчеркивает Н. Е. Носов, является узаконенная ею практика вызова кормленщиков на суд по приставам с *записью*, т. е. с приводом или отдачей на поруки. Выдача *записи* или определение срока явки наместников в суд производилась в случае привлечения наместников, волостелей и их тиунов по *ведомым разбойным делам*, разбираемым в порядке следственного процесса, *приказным*, т. е. служебным делам, связанным с отправлением высших государственных обязанностей, а также по делам уголовным, рассматриваемым в обычном порядке, но обжалованным истцом в вышестоящую инстанцию⁶²³. Порядок выдачи *записи* трактуется исследователями по-разному. И. И. Смирнов и Б. А. Романов считают, что во всех случаях *запись*, являясь реализацией царского повеления о привлечении кормленщиков к ответственности, выдается Боярской Думой. Выданная одним боярином или дьяком, т. е. в приказе, она является недействительной. Различие заключается лишь в том, что разбойные и приказные дела разбираются немедленно, тогда как по остальным делам наместники привлекались к ответственности уже после окончания службы. Н. Е. Носов, уточняя комментарии М. Ф. Владимирского-Буданова, приходит к выводу, что ст. 75 различает два вида московского суда: первый — административный (следственный) по разбойным и приказным делам, на который наместники и волостели вызывались великокняжескими указами, посылаемыми соответствующими приказами, и второй — обычный уголовный или гражданский по частным искам (состязательный), вызов на который во время службы наместников производился лишь по решению Боярской Думы⁶²⁴. При этом нельзя совершенно отбросить предположение И. И. Смирнова о том, что рассмотрение наиболее важных преступлений могло потребовать немедленного вызова наместника и по распоряжению боярина или дьяка. Примером этому является ст. 24 Судебника, предписывающая вызывать наместников в суд *м до съезду з жалования* в случае исков иногородцев⁶²⁵. Неявка наместника или его представителя в указанный срок влекла обязанность наместника оплатить предъявленный иск и расходы по *езде*. Таким образом, подытоживает Н. Е. Носов, ст. 75 дает наглядный пример компромиссного решения вопроса о *праведном суде* и *управе* между боярством и населением. Это нашло свое практическое отражение в создании особого Челобитного приказа во главе с А. Адашевым для принятия и разбора прошений и жалоб царю от населения. А ст. ст. 24 и 75 являлись по существу прямым циркуляром для деятельности этого нового учреждения⁶²⁶.

Статьи 76-81

Статьи конкретизируют порядок возникновения холопства, регулируют споры холоповладельцев о принадлежности им одного и того же холопа, предусматривая в целом ограничение роста холопства. Расширение В. М. Панеяхом этой группы статей путем включения в нее ст. ст. 82 и 83, объединенных общностью содержания и образующих как бы уложение о холопстве, представляется неточным. Статьи 82 и 83 определяют правовое положение не холопов, а свободных людей. Именно это противопоставление добровольной

службы всем видам холопства подчеркивает сам же В. М. Панеях в своей последующей работе, характеризуя ст. ст. 82 и 83⁶²⁸. Эти статьи отражают развитие института русского гражданского права, в частности, обязательства из договоров, отделяя договор займа от договора личного найма.

В ст. 76, развивающей ст. 66 Судебника 1497 года по вопросу об источниках холопства, оговаривается особый порядок похолоп-ления лиц, занимавших должность тиуна, т. е. регламентирует порядок оформления нового вида (докладного) холопства. Докладное холопство трактуется по-разному. В. И. Сергеевич понимает под докладной грамотой способ установления холопства вообще; Н. П. Павлов-Сильванский — продажу “на ключ”. Впервые докладное холопство как самостоятельную категорию выделил В. О. Ключевский⁶²⁹. Исследование докладных актов XVI в., проведенное Е. И. Колычевой, показывает, что наиболее ранняя московская докладная относится к 1484 году. Впервые о докладных людях упоминает в своей духовной от 1510 года князь Д. Т. Синеи. Докладная грамота фигурирует затем во всех правительственных актах, фиксирующих холопью зависимость⁶³⁰. Этот вид холопства, уходящий своими корнями в глубокую древность, но юридически оформленный лишь с конца XV в., являлся наиболее недолговечной категорией. Юридическое оформление докладного холопства прекращается уже в первой четверти XVII в. в связи с резким сокращением количества привилегированных слуг-министериалов⁶³¹. Начало ограничения докладного холопства и отразил Судебник. В отличие от ст. 66 Судебника 1497 года, освобождавшей от холопства только по *городскому* “ключу”, ст. 76 исключает похолопление по сельскому “ключу”, если оно не санкционировано государственной властью, т. е. не оформлено докладной. *Яэ, господине, человек вольной государя царя и великого князя, — говорится в одной докладной от 9 февраля 1588 года, — взял есми у Фомы у Незамахи... два рубля денег, а в тех деньгах даю(сь) на ключь в его село Пличино, а по ключю и в холопи. А на докладе были дети боярские... да Иван Нозарьев... тот на него и энахорь, что продан сам. А отца и матери у него в животе нет. А иному он не холоп никому*⁶³².

Уточняя порядок происхождения холопства от браков между свободными и холопами, статья вводит новый по сравнению с Судебником 1497 года источник холопства — по приданом *робе холоп*. Женитьба холопа какого-либо феодала на робе, входившей в состав приданого жены этого феодала, включала женившегося холопа в число холопов жены упомянутого феодала⁶³³.

Закрепленное статьей положение о запрещении холопам-родителям холопить своих детей, рожденных на свободе, так же как запрещении чернецам и черницам холопить детей, рожденных до пострижения, оценивается исследователями по-разному. Д. Г. Поляк считает, что этим правительство сохраняло за собой возможность некоторого воспрепятствования росту холопства. В то же время данная норма могла служить барьером на пути произвольных действий холоповладельцев⁶³⁴. Иного мнения придерживается Б. А. Романов. Запрещение родителям у полные... стояти, т. е. присутствовать при самопродаже детей определялось, по его мнению, опасением как бы не сорвалась, из-за вмешательства родителей, славившаяся было сделка самопродажи несовершеннолетнего⁶³⁵.

Статья 77 существенно ограничивает ст. 18 Судебника 1497 года о выдаче отпускных грамот. Если в конце XV — первой половине XVI вв. правом боярского суда, включавшим выдачу отпускных грамот, обладали по неполным данным более 30 городов⁶³⁶, то Судебник 1550 года оставил это право лишь за Москвой, Новгородом и Псковом. Одновременно теряла юридическую силу отпускная, хотя и написанная собственноручно холоповладельцем, но оформленная без боярского доклада. Значительная централизация и ограничение прав наместничьего суда в области отпуска холопов отмечались всеми исследователями. Эта мера представляется направленной скорее на урегулирование исков холоповладельцев друг к

другу, чем на то, чтобы «затормозить отпуск холопов на волю, свести на нет их освобождение... сохранить, упрочить и расширить институт холопства»⁶³⁸. Этот вывод Е. И. Колычевой можно принять лишь с поправкой В. М. Панеяха на то, что уже статьи Судебника 1550 года о холопах и соответствующие законы этого и последующего периода применялись и при решении кабальных дел. Уже к концу XVI в., отмечает В. М. Панеях, слово холоп раскрыто таким образом, что этот термин включает и зависимость по служилой кабале⁶³⁸. Ограничение полного, старинного, докладного холопства и развитие холопства кабального означает не расширение института холопства, а преобразование его в новую категорию феодально-зависимого населения⁶³⁹. Данная тенденция была, по мнению А. И. Яковлева и Б. Д. Грекова, характерна для законодательства всего периода конца XV — начала XVI вв. и не могла не отразиться на нормах Судебника 1550 года⁶⁴⁰.

В ст. 78 впервые в законодательстве регулируется бытовавший на практике с конца XV в. институт кабального холопства, идущего на смену холопству полному. Закон устанавливает предельную сумму, за которую можно закабалиться — 15 рублей, чтобы кабальный человек имел возможность хоть когда-нибудь расплатиться. Старые кабалы, сумма которых могла быть выше 15 рублей, сохранялись, но должны были соответствующим образом оформляться, после чего вопрос о неправомерности кабалы решался судом. С XVI в. служилые кабалы записывались в специальные кабальные книги, которые в Новгороде, например, велись в Приказной избе, а в пятинах — у губных старост. Копии с кабал и пошленные деньги отправлялись в Москву в Казенный приказ. В книгах фиксировались полный текст служилых кабал, опрос закабаляемых на предмет добровольного или принудительного закабаления, выяснение их прежней деятельности и описание внешних примет закабаляемых. Последнее было особенно необходимо для укрепления владельческих прав на кабальных людей и решения споров между владельцами кабальных холопов. Основным контингентом таких владельцев, по данным В. М. Панеяха, были помещики и дети боярские⁶⁴¹. В случае возникавших споров приказ Холопьего суда сопоставлял предъявленную владельцем служилую кабалу с кабальными книгами (*И против кабальных книг тот человек в рожей и в приметы осматривай; и по осмотру тот человек... против кабалы рожей и в приметы шиолся*). Кабальный передавался владельцу, предъявившему на него служилую кабалу⁶⁴². Служилые кабалы подлежали, как правило, ежегодной перерегистрации для выявления и фиксирования беглых холопов. При перерегистрации в 1597—1598 гг. старых служилых кабал обнаружилось, что беглыми являлись 30,8% кабальных людей от общего количества кабальных холопов⁶⁴³. Кабалы давались только на вольных людей, оставляя их юридически вольными и после заключения договора, тем более, что в отличие от займа, обязательства по служилой кабале прекращались либо со смертью господина, либо, естественно, кабального холопа. Ни права, ни обязанности по служилой кабале не переходили по наследству. Специфической особенностью кабального человека, подчеркивает В. М. Панеях, является его право освободиться от зависимости по истечении года посредством выплаты долга, а в начале XVI в. и до истечения года, если кабальный возвращал не только долг, но и 20% от него. Так, ранние рязанские кабалы свидетельствуют, что в 4-х из 9 случаев кабальный человек прежде служил другому лицу и освободился от него, внося долг⁶⁴⁴. Это право было отменено лишь уложением 1597 года, которое выделяет на первый план не заемную, а служилую кабалу (см. комментарий к ст. 82). Анализируя статью, Б. А. Романов особое внимание уделяет ее второй части, запрещающей брать кабалу на полного или на докладного или на *старинного холопа*. Старинными, старыми холопами, считает Павлов-Сильванский, именовались как холопы по рядовым или духовным, так и вообще все потомки рабов, служивших по крепостям своих отцов⁶⁴⁵.

Для неразборчивого приобретения дешевой рабочей силы, взявшего кабалу, не проверив предварительно, являлось ли лицо, вступающее в кабалу, свободным человеком, что было особенно необходимо в связи с обращением в кабальное холопство *гулящих людей*⁶⁴⁶, не

только пропадали деньги, но он же возмещал тот ущерб, который нанес господину убежавший холоп. По мнению Б. А. Романова, появление этой нормы свидетельствовало о наличии внутриклассовой борьбы, которую вели между собой феодалы за рабочие руки⁶⁴⁷. Во всяком случае эта норма Судебника отражала рост товарно-денежных отношений, законодательно подтверждая втягивание в орбиту феодально-крепостнической эксплуатации новых широких контингентов свободного населения. По данным Е. И. Колычевой, уже в середине XVI в. количество полных грамот резко сократилось, и к 80 годам полное холопство вытесняется кабальным. То же подчеркивает и В. М. Панеях⁶⁴⁸.

Статья 79 новая и, как представляется, связана со ст. 77, регулирующей выдачу отпускных грамот. Передвижение холопского населения, характерное для конца первой половины XVI в., обусловило необходимость решения имевшего место на практике казуса двойного похолопления. В этом случае юридическая сила сохранялась за той докладной или полной, которая *будет старее*. По мнению В. М. Панеяха, этот принцип “старины” действовал и в спорах по служилым кабалам⁶⁴⁹. Новый владелец терял деньги, уплаченные по полной или докладной, и возмещал снос *старого государя*, т. е. иск прежнего хозяина, если бежавший холоп причинил последнему ущерб. По свидетельству В. Н. Татищева, вопрос о сносе решался двояко. Если новый владелец докажет, что принял беглого по какому-либо письменному уверению, не предполагая, что он беглый, он не отвечает по иску прежнего холоповладельца за причиненный ему бежавшим холопом ущерб; в другом случае “в сносе нельзя, как в убытках, просто верить, но здесь надлежит тем беглецом розыскивать, подлинно ли он то покрал и где девал” и если владелец “принял заведомо беглаго или без всякого уверения, то принявший правильно все платить повинен”⁶⁵⁰. Вместе с тем новому владельцу предоставлялось право *бити челом о суде со своим знахорем*. М. Ф. Владимирский-Буданов пишет, что при заключении полной грамоты на холопство или служилой кабалы лицо, принимающее другого в холопы, должно было удостовериться через сторонних людей в том, что продающий себя не состоит еще в холопстве у кого-либо. Эти третьи, удостоверяющие лица — *знахари* — становились поручителями, к которым обманутый мог предъявить регрессный иск⁶⁵¹.

В ст. 80 расширяется перечень случаев освобождения холопа, вернувшегося из плена. Возвратившийся из любого, а не только татарского, плена холоп становится свободным. При желании его вернуться к прежнему господину, старая *крепость* должна быть подтверждена юридически (*И того холопа явити бояром, а дьяку подписати на старой крепосте, и пошлины имати з головы по алтыну*). Вместе с тем, охраняя интересы господствующего класса, статья вносит существенное дополнение. Холоп, попавший за границу не в результате пленения, а, возможно, путем бегства за рубеж или с поля боя, независимо от того, один он очутился за границей или с хозяином, остается по возвращении на родину холопом своего старого господина. Исключение составляет тот случай, когда сам господин даст ему вольную.

В ст. 81, не имеющей прецедента в прежнем законодательстве, определяется правовое положение *детей боярских служилых и их детей*. Эта категория, по мнению Б. А. Романова и В. М. Панеяха, использовалась, как правило, в качестве военных слуг. Именно из них выставлял помещик, согласно военной реформе 1556 года, установленную со 100 четвертей доброй земли норму боевых единиц “на коне и в доспехе полным”⁶⁵².

Вопрос о том, чьи интересы защищала закрепленная статьей норма, вызвал разногласия ученых. Основываясь на сообщении С. Герберштейна о том, что великий князь Василий III “через год или через два делает набор по областям и переписывает боярских детей, чтобы знать их число и сколько каждый имеет лошадей и служителей”⁶⁵³, М. А. Дьяконов пытался подтвердить этим свойственную дореволюционной историографии теорию закрепощения

всех сословий, считая, что ст. 81 лишала детей боярских возможности располагать своей свободой⁶⁵⁴. С позиций защиты государственных интересов в области сохранения военного контингента подошел к решению этого вопроса М. Ф. Владимирский-Буданов. В доказательство он приводит последующие акты 1558 и 1642 гг., согласно которым негодные для службы сыновья дворян могли давать на себя служилую кабалу, тогда как всех служилых, перешедших в другие службы или в холопство, или во дворы бояр и дворян, предписывалось *поворотить назад в службу*. На будущее время выход из служилого состояния был совсем воспрещен⁶⁵⁵. Б. А. Романов, справедливо подчеркивая, что ст. 81 запрещает похолопление детей боярских *служилых* и тех, которые не *служивали*, т. е. не достигли еще призывного возраста, отмечает полное равнодушие законодателя в отношении тех, кого *государь от службы отставит*. Если будет известно, что *сына боярского служилого сын лет болии пятанадцати, а будет службы государевой не служит и в десятке не написан*, он (в случае похолопления) подлежит суду, согласно ст. 78, т. е. как и остальные кабальные люди. Это приводит Б. А. Романова к выводу, что ст. 81 не имеет в виду защиту интересов дворянства⁶⁵⁶. Иное, и как нам представляется, более правильное толкование дают И. И. Смирнов и А. Г. Поляк, полагая, что смысл статьи в защите интересов мелкопоместной *служилой* массы от покушений на их свободу со стороны боярского контингента, т. е. ст. 81, как и весь Судебник в целом, направлена на укрепление социальных позиций помещиков⁶⁵⁷.

Учитывая наблюдения, связанные с характеристикой ст.ст. 78 и 81, И. И. Смирнова, Б. А. Романова (и В. М. Панеяха) и опираясь на данные о доходах крестьян и феодалов в конце XV — начале XVI в., а также о стоимости годовой военной службы в середине XVI в., Ю. Г. Алексеев пришел к выводу, что “15-рублевый максимум защищал и мог защитить именно владельцев 100 и более четвертей земли — боеспособных, людей служилых, составлявших феодальное ополчение”. Остальная феодальная “мелкота” лишь поставляла кадры боевых холопов — послужильцев (если они почему-либо не попадали под действие ст. 81)⁶⁵⁸. Такая трактовка статьи свидетельствует в пользу того, что охрана имущественных и личных прав и интересов дворянства находилась в полном соответствии с выполнением ими служебных обязанностей.

Статья 82

Ст. 82, являясь новой, как бы противопоставляется ст. 78, отграничивая договор займа от договора личного найма. Как отмечает В. М. Панеях, уже в 30-х годах XV в. встречаются кабалы, в которых взамен условия выплаты процентов включено условие да *рост служити, за рост косити, за рост пахати*, т. е. зарождается новая форма холопства по служилой кабале⁶⁵⁹. В Судебнике формулируется прогрессивное для своего времени понимание обязательства как права на **действие** лица, а не как на **само** лицо. В соответствии с этим статья предписывает, что взявший деньги займы обязан лишь выплачивать проценты, которые, как считал К. А. Неволин, составляли во времена Ивана Грозного 20 на 100, а кредитор, заставлявший должника работать на себя, нарушал тем самым договор займа и терял право на возмещение убытков, принесенных ему побегом должника. Смысл этой статьи заключается в усилении института служилой кабалы. Независимо от того, вовлекает ли она социальные низы (И. И. Смирнов) или охватывает более широкий круг населения, в частности детей боярских (Б. А. Романов), данная норма, как справедливо отмечает А. Г. Поляк, является отражением развития товарно-денежных отношений в Русском государстве XVI в.⁶⁶⁰.

Статья 83

Статья 83 дополняет ст. 54 Судебника 1497 года указанием на ответственность хозяина, не желающего выплатить наймиту причитающееся по договору личного найма вознаграждение. Текст статьи дает основание полагать, что спор между наймитом и хозяином рассматривался в судебном порядке. В случае проигрыша дела хозяин выплачивает требуемую сумму в двукратном размере⁶⁶¹.

Статья 84

В ст. 84, сохраняющей установленные ст. 63 Судебника 1497 года сроки давности по земельным искам, изменяется порядок судопроизводства по ним. Прежде суды для рассмотрения земельных тяжб составлялись из доверенных от каждой стороны лиц и решали вопрос о границах владений. Свидетелями являлись старожилы, которые приносили своеобразную форму присяги. Отмечая границу, ходили по ней с образом или землей на голове. Статья 84 предлагает приказным людям, боярам и даже государю, т. е. всем центральным судебным органам, посылать не двух, а лишь одного судью и не по желанию сторон, а по выбору судебных органов.

Статья 85

о ст. 85, не имеющей аналога в Судебнике 1497 года, регулируется порядок родового выкупа вотчины. Признавая такое право, статья в то же время ограничивает его. Во-первых, определяется круг лиц, которые имеют право выкупа. Помимо исключения прямого потомства, боковые родичи, *братья... или племянники*, оказавшиеся свидетелями, также теряли право родового выкупа. Продавший вотчину не имел права принудительного выкупа, а мог купить ее лишь *полюбовно*, если *станет тот купец, ту вотчину продавать*. Во-вторых, право родового выкупа действовало лишь в течение 40 лет. Третье ограничение состояло в изъятии из сферы действия этого права *купель*, т. е. вновь купленных земель. Право родового выкупа распространялось на них лишь после передачи этих земель по наследству (после *жизноты своего*). Четвертое ограничение состояло в запрещении выкупа *чужими денгами*.

Право родового выкупа имеет определенное сходство с залогом. Именно поэтому Судебник говорит о нем в этой же статье. Вотчину можно закладывать как родственникам, так и посторонним лицам, закон только оговаривает размеры залога. При залоге вотчины *мимо вотчичев... у сторонного человека*, сумма залога не должна была превышать действительной цены вотчины. Тот, кто *дал... лишек болии тое цены, чево та вотчина судит, и у того те денги пропали*. Это же правило действовало и при обмене вотчин. Если вотчинник, променявший свою вотчину *невотчичю*, имел большее количество земли, чем получил при обмене, то при выкупе родственники менявшегося имели право выкупить этот излишек. Подводя итог указанных в ст. 85 ограничений, И. И. Смирнов квалифицирует ее как мероприятие, направленное против княжат и бояр, как выражение антибоярской земельной политики правительства Ивана IV. Эта политика получила дальнейшее развитие в законодательстве XVI в. Такой же точки зрения придерживается и Л. В. Черепнин, который оценивает ст. 85 как “шаг на пути создания условий для более свободной мобилизации земельной собственности”⁶⁶². Б. А. Романов видит в ст. 85 выражение компромиссного характера земельной политики “Избранной рады”. Она, по его мнению, не только не ограничивает права выкупа вотчин, но, наоборот, полностью берет его под защиту закона. Родовой выкуп расценивается им как “всеобщее для вотчинников всех мирских общественных групп и масштабов орудие обороны против “стороннего человека” в лице монастыря”⁶⁶³. А. Г. Поляк пытается совместить эти точки зрения, связывая появление ст. 85 с “реакцией правительства на передачу огромного числа вотчин в результате безденежья и отсутствия рабочей силы в неслужилые руки, то есть, скорее всего, в монастыри”. Он

полагает, что право родового выкупа, закрепленное Судебником, есть результат политики компромисса, способствовавшей сохранению вотчин в боярских руках. Поэтому Б. А. Романов, полагавший, что в ст. 85 нет ничего “антибоярского”, более прав. Однако, комментируя выделение Судебником *купли* как отдельного вида земельной собственности, А. Г. Поляк в противоречие с высказанной ранее точкой зрения утверждает, что “ограничением права родового выкупа, который одновременно колебал устои церковного землевладения, правительство нанесло серьезный удар по феодальной знати”⁶⁶⁴, т. е. присоединяется к мнению И. И. Смирнова и Л. В. Черепнина.

Статья 86

Статья 86 дополняет ст. 61 Судебника 1497 года санкцией за потраву скотом посева. Владелец скота обязан возместить причиненный ущерб тому, чья *изгорода*, т. е. собственнику посева.

Статья 87

Статья 87 повторяет ст. 62 Судебника 1497 года о защите землевладения в уголовном порядке, опустив слова *за рану присудят, посмотря по человеку и по ране и по рассуждению*.

Статья 88

По мнению И. И. Смирнова, ст. 88 является комментарием ст. 57 Судебника 1497 года, причем материал для нее дан практикой применения этого Судебника⁶⁶⁵. Сохраняя прежний срок перехода крестьян, статья увеличивает на два алтына сумму *пожилого* и уточняет порядок его исчисления. *Пожилое* бралось с *ворот*. При этом не учитывались ни величина участка, ни его застроенность, а главное, личный состав двора, т. е. живет ли за воротами один крестьянин или несколько, но *пожилое* разнилось в зависимости от местонахождения двора. В *лесех* оно было ниже *пожилого в полях*, потому что устройство двора (возведение избы, дворовых построек) легче было осуществить, если рядом с усадьбой находился лес. Во избежание споров о том, в *лесе* или в *полях* стоит покидаемый крестьянином двор, определяется, что лесной полосой считается участок *где десять врьст до хоромного лесу*. По мнению А. Л. Шапиро, *пожилое* являлось не выкупом за личность отказывающегося крестьянина, а возмещением ущерба, который нес феодал-землевладелец от временного запустения двора⁶⁶⁶. Конечно, *пожилое* это не выкуп, однако вряд ли есть основания считать его лишь возмещением ущерба хозяину.

Статья вводит ряд дополнительных обязанностей крестьянина, связанных с его переходом. Так, помимо *пожилого* крестьянин должен был оплатить за повод... по *два алтына*, т. е. обеспечить следующую с него в порядке барщины обязанность свезти осенью на двор господина собранный урожай. За возможность снятия урожая с оставленного у землевладельца озимого посева крестьянин уплачивает два алтына. Кроме того, за сохранение права на сбор урожая ушедший крестьянин обязан был платить подать *цареву и великого князя, а боярского дела ему, за кем жыл, не делати*, т. е. никакой другой повинности своему бывшему землевладельцу не нести. Нетрудно видеть, что изменение ст. 57 шло по пути введения дополнительных мер, крайне осложнявших крестьянский выход и являвшихся фактически дальнейшим развитием крепостного права, удовлетворением интересов преимущественно среднего и мелкого дворянства. Затрудняя возможность крестьянского перехода, статья вместе с тем предусматривает свободный выход без ограничения сроком и выплаты *пожилого* попа и крестьянина, продававшегося кому-либо в холопы в *полную*. Новелла о попе не вызывает споров.

Еще М. Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что “приходское сельское духовенство находилось в одинаковых условиях с крестьянами относительно пользования двором и аренды земли. Отсюда позднее, во времена прикрепления крестьян, землевладельцы расположены были смотреть и на приходских священников как на крепостных; иногда даже они ставили в попы своих рабов, не освобождая их”⁶⁶⁷. Защита прав низшего духовенства связывается исследователями с участием в работе по подготовке Судебника 1550 года попа Сильвестра, убедившего Ивана IV в необходимости обеспечить максимальную поддержку этой группе населения, влиятельной в крестьянской массе. При этом, подчеркивает Б. А. Романов, новелла о попе практически могла коснуться преимущественно вотчинных сел боярских с церковными при них погостами, а никак не поместных деревень служилой мелкоты⁶⁶⁸. Не берется *пожилое* и с крестьянина, продающегося в холопство, очевидно потому, что с него нечего взять. Цена за холопа в середине XVI в. колебалась от 1,5 до 3 рублей, т. е. была не намного выше, чем само *пожилое*.

Статья 89

Статья 89 является новой и находится в непосредственной связи с предыдущей. Она признает за крестьянином, обвиненным в преступлении, но не *облихованном*, а взятым на поруки своим господином, право отказа. Но отказывающийся крестьянин должен взять у бывшего господина поручительство в том, что при обвинении его в *ыном в каковем деле* он будет представлен в суд.

Статья 90

Статья 90 дополняет ст. 55 Судебника 1497 года указанием на выдачу *полетной* грамоты в зависимости от достатка купца (*по-смотря по животом*). В случае обнаружения преступников, выданная купцу *полетная* грамота теряет юридическую силу, потому что в таком случае утраченное купцом “имущество возвращается из имущества разбойников”⁶⁶⁹. По мнению Б. А. Романова, “в дополнении составителя Судебника 1550г. сказывается оптимистическая оценка опыта работы губной организации борьбы с разбоями за полвека, отделяющие Судебник Ивана IV от Судебника 1497 г.”⁶⁷⁰.

Статья 91

В ст. 91 вводится новое по сравнению со ст. 59 Судебника 1497 года ограничение судебной юрисдикции церкви. В статье запрещается торговым людям жить в монастырях, т. е. становиться их закладниками, и устанавливается подсудность торговых людей наместничьему управлению. Монастырской подсудности подлежали только нищие, *которые питаются от церкви божией*.

Статья 92

Статья 92 воспроизводит ст. 60 Судебника 1497 года о порядке наследования.

Статья 93

В данной **статье**, в отличие от ст. 46 Судебника 1497 года, устанавливающей порядок доказывания добросовестного приобретения новых вещей, предусматривается покупка на торгу старых вещей (что *поношено у носящего или с лавки*). Учитывая возможность продажи краденого, закон требует наличия поручительства за продавца. Таким поручительством была *рядовая порука* со стороны постоянных торговцев рыночного ряда, лавок. При отсутствии поруки купивший терял право на иск.

Статьи 94—96

Основываясь на ст. 10 Белозерской таможенной грамоты 1497 года и других грамотах, в статьях уточняется порядок оформления договора купли-продажи лошадей.

В ст. 94 предусматривается обязанность клеймить купленных в Москве и Московском уезде лошадей. *Пятеничик*, т. е. лицо, клеймившее покупаемых лошадей, должен был, кроме того, зарегистрировать договор купли-продажи в специальной книге, за что получал, помимо пятенной пошлины, пошлину, именуемую *писчее* или записное. *А пятенная ему пошлина имати: кто купит лошадь, или продаст, или выменит, в городе и около города... и в селах и в деревнях... за десять верст на все стороны, и они те лошади являют пятениш,икам, а пятеничики у них те лошади пятнают, да пишут в книги в шерсть и людские имена купцом и продавцом*⁶⁷¹.

В ст. 95, распространяющей порядок оформления договоров купли-продажи лошадей на всю территорию Русского государства, предусматривается должность *пошлинников*, т. е. специальных представителей наместника, собиравших пошлины. Одной из таких пошлин, включавшихся в таможенные откупные грамоты, являлась и пятенная пошлина⁶⁷². По Судебнику она взималась с обеих сторон, тогда как в последующих грамотах только с покупателя. Сделка регистрировалась земским дьяком в присутствии целовальников в течение недельного срока со дня купли-продажи или обмена лошади. В противном случае с покупателя, нарушившего порядок оформления сделки, взыскивался без суда штраф в размере двух рублей. Подчеркивая обязательность установленного порядка для детей боярских, основного контингента русских вооруженных сил, статья особо выделяет порядок заключения таких сделок *в служебном походе*. Так как в этом случае пятеничик отсутствует, то договор купли-продажи подтверждается с помощью свидетельских показаний. Статья заканчивается указанием на то, что регистрация сделок осуществляется не по месту жительства покупателя, а по месту покупки, что охраняет материальный интерес пятеничников. Вместе с тем предусматриваются и санкции за злоупотребления должностных лиц.

Статья 96 запрещает наместникам, волостелям, тиунам и пятенищикам *пятнать* непроданных и доморощенных лошадей, если они не являлись объектом купли-продажи или мены. Такие действия с целью получения за это пошлины влекли за собой возмещение без суда взятых пошлин в тройном размере и наказание по усмотрению государя.

Статья 97

В ст. 97 впервые в русском законодательстве вводится положение о том, что закон обратной силы не имеет. Дела, которые *преж сего Судебника вершены*, или не *вершены*, т. е. закончены или не закончены, *сужены и несужены*, прошли судебное разбирательство или только начато производство на основании прежних законов или обычного права, отмене не подлежали, даже если по Судебнику эти дела должны решаться иначе.

Сравнивая текст ст. 97 с текстом февральской декларации Ивана IV 1549 года, И. И. Смирнов приходит к выводу о том, что Судебник реализует основное содержание политической программы правительства, называя те дела, в которых от бояр и их людей чинились детям боярским и крестьянам *...обида великие — в землях и в холопстве, и в кабалах, и во всяких делех и в тиунстве...*⁶⁷³. Впредь эти дела *судити по сему Судебнику*, действие которого начинается с момента его издания и распространяется на всю территорию Русского государства. Судебник, как отмечал еще М. Ф. Владимирский-Буданов, исключает, по-видимому, всякое применение обычного права и объявляет закон единственным

источником права. Несмотря на то что “в действительности, конечно, было не так”⁶⁷⁴ и судьи обращались к обычаям, эта норма подчеркивает неизбежность взаимосвязи процесса централизации с усилением государственного принуждения. Это подтверждается в следующей, также новой статье Судебника.

Статья 98

Впервые в истории русского законодательства определяется порядок издания и опубликования новых законов. При отсутствии в законе указания на порядок решения того или иного дела оно вершится вышестоящей инстанцией — Боярской Думой. Такой прецедент становится по существу новой законодательной нормой. Решения Боярской Думы обычно рассылаются по приказам и областным начальникам и заносятся в указные книги приказов, составляя дополнения к Судебнику. Комментируя эту статью, буржуазные исследователи обращали основное внимание на соотношение законодательных прав князя и Боярской Думы. Одни (В. И. Сергеевич, В. О. Ключевский) считали, что последняя ограничивала власть царя. Эту же точку зрения поддерживал и М. Н. Покровский. Другие (М. А. Дьяконов, А. Н. Филиппов, М. Ф. Владимирский-Буданов), признавая двойственность законодательной власти, видели ее в том, что при совместной работе Думы и царя обсуждение закона проводилось в Думе, а санкционировался он царем⁶⁷⁵. Современные исследователи (И. И. Смирнов, Б. А. Романов)⁶⁷⁶ отрицают концепцию дуализма законода.

Статья 99

Воспроизводя ст. 67 Судебника 1497 года, комментируемая статья дополняет ее санкцией в отношении послуха, давшего ложные показания. Помимо возмещения потерпевшему причиненного ущерба, лжесвидетель подвергался торговой казни. Торговая казнь в Судебнике 1497 года назначается один раз (в ст. 10). В ст. 99 Судебника 1550 года она встречается в шестнадцать раз⁶⁷⁷.

Статья 100

Еще по наблюдениям В. Н. Татищева, данная статья находилась не во всех списках. Это наводило на мысль о том, что она либо позже была изъята, либо, наоборот, включена. Однако, исходя из определения митрополитом Макарием Судебника 1550 года как “Стоглава Судебного”, Татищев склонился к тому, что ст. 100 без сомнения принадлежит Судебнику⁶⁷⁸. Такую точку зрения поддерживало большинство досоветских исследователей. Л. В. Черепнин, сравнив все имевшиеся списки Судебника 1550 года, пришел к выводу, что ст. 100 не входила в первоначальную редакцию Судебника, а возникла несколько позднее и отдельно. Он предполагает, что “она появилась очень скоро после принятия Судебника Боярской Думой, возможно, в том же июне 1550 г.”⁶⁷⁹. Л. В. Черепнин и И. И. Смирнов подтвердили правомерность высказанного еще М. Ф. Владимирским-Будановым предположения об исторической связи ст. 100 с Губной московской записью о душегубстве XV в.⁶⁸⁰ И. И. Смирнов, подробно прослеживая изменения в содержании ст. 100 Судебника по сравнению со ст. 5 Губной московской записи, отмечает, что последняя, являвшаяся “историческим предшественником” ст. 100, “внесла коренные изменения в вопрос о процессе суда по делам между великокняжскими людьми и населением уделов”. Эти изменения заключались в ограничении права сместного суда удельных князей и необходимости доклада в Москву о всех делах, совершенных на территории, принадлежавшей им в Московском уезде. Во всех делах, совершенных на *Москве* людьми удельных княжеств, суд осуществлял великокняжеский наместник. За удельными князьями оставалось, вместо прежнего права сместного суда, лишь право на долю в судебных пошлинах. Для этого на суд наместника посылался судья. Судьи удельных князей могли

участвовать только в судах по *пенным* делам, т. е. делам, караемым штрафом. По высшим уголовным делам суд судил один московский наместник. Судебник 1550 года отменяет право удельных князей посылать на суд великокняжеского наместника своего судью и последовательно проводит принцип разбора дел в Москве и именно царскими судьями. Так, если *москвитин* *взыщет какова дела* на волостеле удельного князя в селе, лежащем в Московском княжестве, то дело разбирается судом не удельного князя, а царя. Осуществление суда между жителями сел, подчиненных волостелю удельного князя, принадлежит волостелю, но доклад с такого суда совершается непременно в Москве: если удельный князь находится в Москве, — то удельному князю, если нет, — то великокняжескому наместнику. Царь же осуществляет суд, возникающий по жалобе удельного сына боярского *на царева и великого князя человека*. При исках служилых царских людей на людей удельного князя и наоборот действует не сместный, а общий суд из двух судей. Место суда находится всегда в Москве, хотя бы ответчик жил в уделе. При исках удельного городского человека к московскому городскому судят московские наместники. Наоборот, при иске московского городского человека к городскому удельному дела разбирались совместно удельнокняжеским судьей и судьей от московских наместников. *деловые люди* — ремесленники удельного князя, хотя и записанные царскими писцами, подлежат безраздельному суду своего князя. При тяжбах их с людьми другой подсудности устанавливается уже не третейский, а сместной суд с докладом государю. Солидаризуясь с мнением Л. В. Черепни-на и И. И. Смирнова, А. А. Зимин⁶⁸¹ связывает составление этой статьи с событиями 1553 года, т. е. с попыткой бояр во время болезни Ивана IV посадить на русский престол удельного князя Владимира Старицкого. Иван IV не только взял с последнего присягу на верность, но и ограничил судебную власть удельных княжат. Об этом и говорит ст. 100, являясь как бы завершающим штрихом в процессе централизации судебной власти Русского государства.

Подробный анализ происхождения, содержания и значения ст. 100 осуществил Г. В. Семенченко⁶⁸². Относя появление ст. 100 к маю 1553—1554гг., Г. В. Семенченко также сопоставляет с ней крестоцеловальные грамоты 1553—1554 гг. Владимира Старицкого Ивану Грозному. Вместе с тем Г. В. Семенченко подчеркивает, что хотя ст. 100, аналогично “Записи о душегубстве”, является законодательным, а не договорным источником, но нарушение судебного суверенитета князей Московского дома, ущемление их прав проводится в ней осторожно, выборочно, так чтобы с формальной стороны оно не противоречило традиционным нормам времени феодальной раздробленности”. Это, по мнению Г. В. Семенченко, показывает, сколь длительным и сложным был процесс складывания единой системы общерусского судопроизводства и законодательства. И к середине XVI в. он еще далеко не завершился, что автор считает лишним доводом в пользу мнения исследователей, утверждающих, что в первые десятилетия XVI в. процесс централизации страны все еще продолжался⁶⁸³.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. М., 1768.

Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича с дополнительными указами, изданные К. Калайдовичем и П. Строевым. М., 1819.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссией». Т. 1, № 153. Спб., 1841.

Владимирский-Буданов М. Ф. Христоматия по истории русского права. Вып. II (раз. изд.).

Судебники Русского государства, изданные Горьков-ским пединститутом. Горький, 1939.

Судебники XV — XVI вв. М. - Л., 1952.

Памятники русского права, выпуск третий / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955; выпуск четвертый / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1956.

Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича. Татищев В. Н. История Российская. Т. 7. Л., 1968.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Алексеев Ю. Г., Копанев А. И. Развитие поместной системы в XVI в. — В кн.: Дворянство и крепостной строй России XVI —XVIII вв. Сб. статей, посвященный памяти А. А. Новосельского. М., 1975.

Беляев И. Д. О вызове в суд по древним русским законам до Уложения 1649 года. — Журнал министерства юстиции, 1860. Т. III, кн. 2, отд. III.

Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879.

Беляев И. Д. О суде наместничьем на Руси в старину. — Юридический журнал, 1861, №8.

Беляев П. И. Источники древнерусских законодательных памятников. — Журнал министерства юстиции, 1889, ноябрь.

Беляев П. И. Договор найма в древнерусском праве. — Русский исторический журнал, 1918, кн. V.

Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857.

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 7-е. Пг. — Киев, 1915.

Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV—начале XVI вв. М., 1974.

Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Кн. 2. М., 1954.

Грибовский В. М. Древнерусское право (Краткий обзор шавского Университета. Варшава, 1892.

Линовский В. Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича. Одесса, 1847.

Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. Спб., 1888.

Лурье Я. С. Из истории политической борьбы при Иване III.—Ученые записки ЛГУ, серия исторических наук. Вып. 10(80). Л., 1940.

Мейчик Д. М. Судные дела XV в. и их значение для Судебника Ивана III. — Юридический вестник, 1883, №2.

Михайлов М. М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 года. Спб., 1848.

Мрочек-Дроздовский П. Н. История русского права. М., 1883.

Мрочек-Дроздовский П. Н. Старшая дружина на службе московских государей (окольничие и бояре введенные). М., 1899.

Мрочек-Дроздовский П. Н. Судебники (литогр. изд.). М., 1892.

Новосельцев А. А., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972.

Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.

Павлов-Сильванский Н. П. Люди кабальные и докладные. — Сочинения. Т. I. Спб., 1919.

Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV —XVII вв. / Под ред С. Б. Веселовского и А. И. Яковлева. М., 1929.

Панеях В. М. Кобальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967.

Панеях В. М. Холопство в XVI — начале XVII вв. Л., 1975.

Поляк А. Г. Судебник 1497 года. — Комментарии в кн.: Памятники русского права, выпуск третий / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955.

Поляк А. Г. Судебник 1550 года. — Комментарии в кн.: Памятники русского права, выпуск четвертый / Под. ред. Л. В. Черепнина. М., 1956.

Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918.

Рождественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. Спб., 1897.

Романов Б. А. К вопросу о земельной политике Избранной рады. — Исторические записки. Т. 38. М., 1951.

Романов Б. А. К вопросу о 15-рублевом максимуме в служилых кабалах XVII в. — Исторические записки. Т. 52. М., 1955.

Романов Б. А. О полном холопе и сельском попе в Судебнике 1550 года. — В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952.

Романов Б. А. Судебник Ивана Грозного. — Исторические записки. Т. 29. М., 1949.

Судебник 1497 года. — В кн.: Судебники XV — XVI вв. М. — Л., 1952.

Судебник 1550 года. — В кн.: Судебники XV— XVI вв. М.—Л., 1952.

Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. I. Спб., 1902.

Сергеевич В. И. История русского права, период II. Спб., 1866.

Смирнов И. И. Судебник 1550 года. — Исторические записки. Т. 24. М., 1947.

Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50 гг. XVI в. М. — Л., 1958.

Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. I. М. — Л., 1947.

Смирнов П. П. Челобитные дворян и детей боярских. — Чтения ОИДР. Кн. 3. М., 1915.

Сокольский Г. Главнейшие моменты в истории повального обыска. — Киевские Университетские известия, 1871, №6.

Сухов А. А. Историческая характеристика древнерусского уголовного права до XVII в. — Юридический вестник, 1874, май — июнь.

Сыромятников Б. И. Очерк истории суда в древней и новой России. — В кн.: Судебная реформа / Под ред. И. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. М., 1915.

Тальберг Д. Насильственное похищение чужой движимой собственности по русскому праву. — Журнал Министерства народного просвещения, 1880, № 1.

Филиппов А. Н. Учебник истории русского права. Ч. I. Юрьев, 1914.

Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву Спб., 1871.

Чебышев-Дмитриев А. П. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань, 1862.

Чеглоков П. Н. Об органах судебной власти в России от основания государства до вступления на престол Алексея Михайловича. Казань, 1855.

Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства XV —XVII вв. М., 1978.

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV — XV вв. — Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV — XV вв. Ч. 2. М., 1951.

Шапиро А. Л. О характере найма в Древней Руси. — В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. II. Л., 1973.

Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV — XVI вв. Л., 1977.

Шершеневич Г. Ф. История кодификации гражданского права в России. Казань, 1898.

Шмидт С. О. Становление Российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного. М., 1973.

Шмидт С. О. Челобитенный приказ в середине XVI столетия.—Известия АН СССР (Серия истории и философии). Т. VII, 1950, №5.

Шпилевский С. М. Об источниках русского права в связи с развитием государства до Петра I. Вып. II. — Ученые записки Казанского университета, 1862.

Штамм С. И. Судебник 1497 года. М., 1955.

Юшков С. В. Судебник 1497 года. К внешней истории памятника. — Ученые записки Саратовского госуниверситета. Т. V, вып. 3. Саратов, 1926.

Юшков С. В. К древнейшей истории института давности по русскому праву. Ученые записки ВИЮН, вып 5 М., 1947.